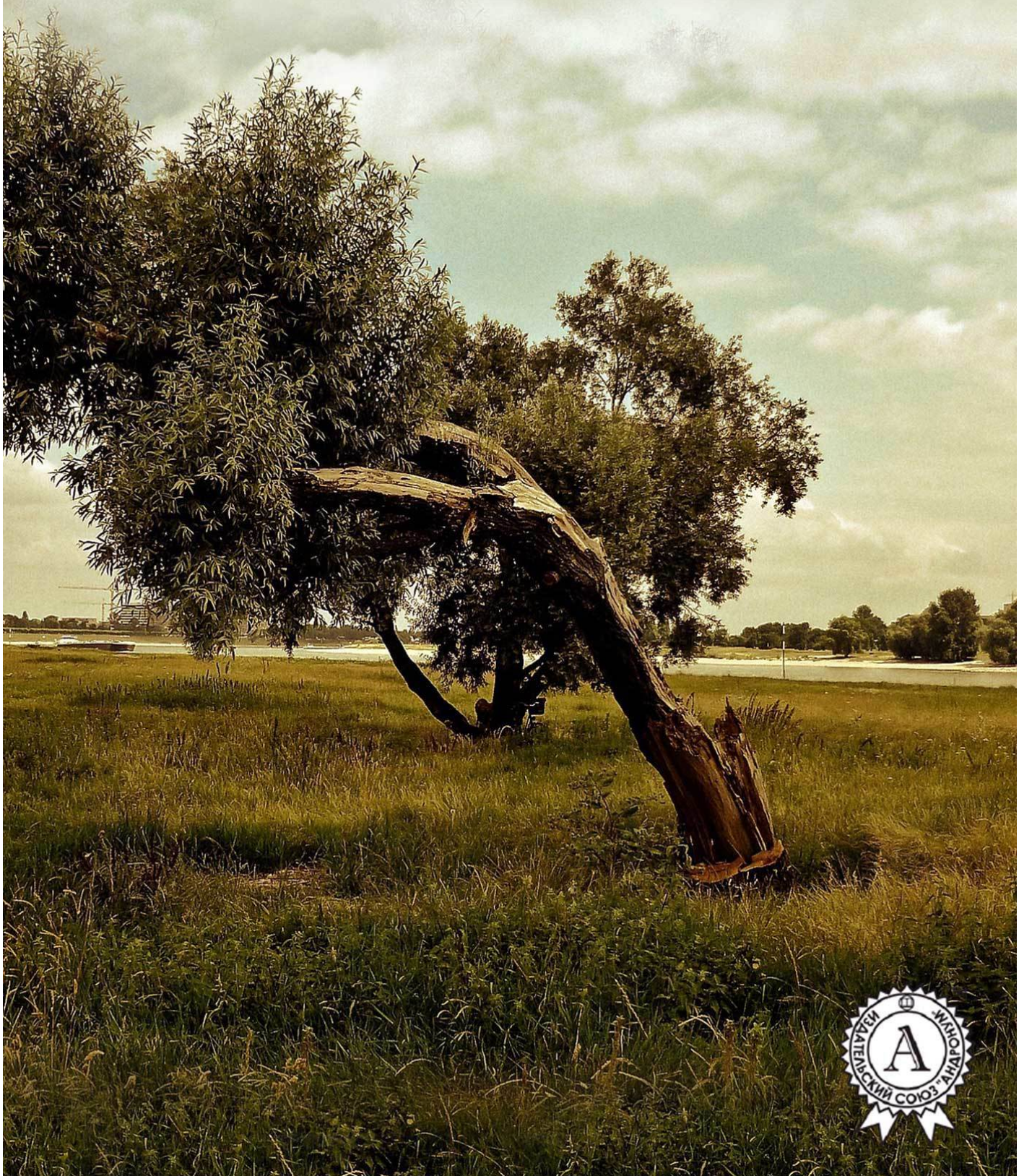
ГЕННАДИЙ ДЕМАРЁВ

Жизнь как она есть



ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОНИУМ"

Геннадий Демарев

Жизнь как она есть

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Демарев Г.

Жизнь как она есть / Г. Демарев — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Говорят, будто только от человека зависит построение собственного будущего. Увы, зачастую создаётся впечатление, будто оно предопределено кем-то свыше - начиная от избрания цели и заканчивая мотивацией поступков. Получается, что первую часть жизни человек тратит на то, чтобы совершать ошибки, а вторую - на тщетные попытки их исправить. И тогда жизнь напоминает дерево, потрёпанное ветрами, с искривлённым стволом. В данный сборник вошли рассказы различной тематики и жанров: как социально-бытовые, так и приключенческие и юмористические. В них описываются реальные истории, реальные судьбы, реальные люди. Иногда по ходу чтения хочется плакать, иногда - смеяться. И, конечно, поневоле задумываешься...

© Демарев Г.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Ветер 5
Виорика 10
1 10
2 11
3 13
4 15
Вокзал 17
Голос мима 20
1 20
2 22
3 25
4 28
5 30
Хамство 32
Житейское дело 42
История одной болезни 45
Предисловие 45
1 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Геннадий Демарёв
Жизнь как она есть
(сборник рассказов)

Ветер

Если бы у Анатолия Матюхи спросили, как и зачем он прожил жизнь, он, пожалуй, не нашёлся бы с ответом. Конечно, к своим шестидесяти восьми годам он повидал немало: и на Севере поработал, и в заготовительной конторе (ещё при Советах), и женщины у него были… Да и сейчас, невзирая на довольно преклонный возраст, занимается пасекой, всегда в движении, в работе…

В эту ночь он не мог уснуть. Может, из-за сильного юго-восточного ветра, который дул в течение суток, а может, из-за чего-то другого. Вообще-то, на сон он никогда не жаловался. Раньше, когда чувствовал себя помоложе, он мог подолгу работать, потом «хорошо посидеть» с приятелями, после чего, как ни в чём не бывало, снова впрягаться в работу. И ничего – спал после этого, как суслик, никогда не отмечая ни болей в спине, ни проблем с давлением. Но вот прошло уже лет десять с тех пор, как друзья «закончились», огороды он обрабатывает мотоблоком, излишне не напрягаясь; он практически не устаёт, ведя размеренную жизнь.

Но последняя ночь утомила его так, как не утомлял в былые годы и физический труд. Память возрождала какие-то образы, в уме всплывали какие-то цифры, терзая не только сердце, но почему-то и совесть. И лишь под утро, когда на востоке появились первые признаки рассвета, эти образы приобрели более-менее чёткие очертания. Это были женщины и дети.

Первая жена отличалась примечательной красотой. С её образа можно было бы написать портрет пушкинской Татьяны. Да её так и звали. Светло-русые пышные волосы, серо-голубые глаза, красивая фигурка. Она родила Анатолию двух сыновей, любила его улыбку, которая в те времена загадочно пряталась в пышных, встопорщенных усах. Он надумал ехать на Север «за длинным рублём» – она последовала за ним; ему захотелось купить машину – она, стремясь ему помочь, наодалживалась у родственников и подруг столько, что и за год не расплатиться.

– Какая у меня хорошая жена! – любил прихвастнуть Матюха в компании друзей.

Чего греха таить, он гордился Татьяной. Но, в то же время, где-то в глубине существа он осознавал, что она не только умнее и практичнее, чем он, но и совестливее, с более правильными установками в жизни. Вернувшись с Севера, он хотел истратить деньги на капитальный ремонт дома, на покупку забора из кованого металла – на зависть соседям. Но жена сказала:

– Ерунда всё это. К чему нам показуха? Давай-ка лучше купим пасеку и ещё один дом где-то на окраине городка. Там будем держать ульи, чтобы пчёлы не досаждали народу.

И как ему самому не пришла в голову такая мысль? Ведь по образованию он – пчеловод.

С каждым годом он всё более осознавал, что Татьяна превосходит его по всем параметрам. По сему поводу он не единожды испытывал угрызения самолюбия. Ему начало казаться, будто она взирает на него свысока и даже по ночам как будто воспринимает его не так, как раньше. «У неё кто-то есть, и этот человек лучше, чем я», – сделал умозаключение Анатолий. Оно подкрепилось в самое ближайшее время, когда жена, однажды придя с работы, сказала:

– Толя, ты знаешь, есть новость. Меня «сватают» на должность начальника паспортного отдела!

Он и забыл, что она по образованию юрист… Созерцая её довольное, излучающее невыразимую радость лицо, Толя подумал: «Конечно, это ей любовник предложил такую работу! Да и как иначе устроиться на такое местечко?»

В итоге последовал развод. На прощанье он избил жену, как сидорову козу, вложив в последние удары всё своё бессилие, всю подозрительность, весь осадок. Татьяна ушла, даже не захватив личных вещей. В течение года она жила в общежитии, потом начальство предоставило ей двухкомнатную квартиру. В то же время ей подвернулся порядочный человек, который её любил и стал хорошим отцом для сыновей Матюхи.

«Ишь ты, – завистливо думал Анатолий, выслушивая чьи-то рассказы о судьбе бывшей жены. – А мне казалось, что с двумя детьми она никому не нужна. Наверное, ублажает мужика хорошо…»

В течение нескольких лет он жил один, хозяйничая на двух участках и пасеке. Кроме того, он устроился скупщиком в заготконтору. Работа не пыльная, да и барыши приносила немалые. Без зазрения совести он обманывал крестьян, сбивая цены, обвешивал, давал в долг под большие проценты. Кроме того, он умудрялся сдавать и собственный мёд по цене, превышающей закупочную. Но за несколько лет он сумел приобрести только старенькую лошадёнку, которая ела больше, чем работала. Машина, приобретённая когда-то, из-за отсутствия заботливых рук пришла в негодность, и теперь её корпус, покрытый обильной ржавчиной, покоился за сараем.

– Ворочать такими деньжищами и ничего не покупать для себя? – удивлялись соседи, которые всегда всё видят. – Куда же он деньги девает?!»

У Матюхи было немало женщин. И одноразовых (в знак благодарности за закупку овощей), и более близких. В жилом доме Анатолия ввиду отсутствия женских рук царил вечный кавардак: горы грязной посуды, ржавый умывальник, наполненный хламом, по всем углам кучи старых телевизоров, которые он в свободное время ремонтировал знакомым, прочный и нестираемый слой пыли на мебели и на полу… Иногда он приводил в эти условия женщин. Но как только те наводили порядок и перестирывали его тряпки, он немедленно спроваживал их вон. Мысль о том, чтобы связать жизнь с новой женой только отпугивала Анатолия. «Хотят прийти на всё готовое, – рассуждал он. – А впоследствии приберут к рукам всё моё добро…»

Другой дом он превратил в сарай, складывая там старые ульи и прочий хлам.

На пятом году одиночества нашлась некая Светлана из захудалой деревушки. Она отличалась простотой, какой-то почти детской наивностью и молодостью. За три года до того в её жизни случилась травма. Сразу после свадьбы её мужа призвали в армию, откуда он не захотел возвращаться. Там он нашёл другую женщину, женился…

В Анатолии Светлану привлекали серьёзный вид, хозяйственность, возраст (она была моложе лет на пятнадцать), а его в ней – наивность и бескорыстие. Она переехала к нему и… превратилась в рабочую лошадку. Большая часть сельскохозяйственных работ, как и домашние хлопоты, легли целиком на её плечи. А Толя, тем временем, разъезжал по району, закупал овощи, мясо и шкуры, весело проводил время и иногда выделял деньги для супруги на самое необходимое.

Светлана была доброй женщиной. Всем соседям она сразу пришлась по сердцу. Они стремились к ней, делились своими проблемами и радостями, в то время, как общения с самим Матюхой избегали. Это обстоятельство сразу бросилось в глаза Анатолию. Он стал сторониться жены. Его отношение к ней не изменилось даже после того, как она призналась, что беременна. Отношения натягивались, как тетива лука, с каждым днём, и эта тенденция усугублялась скупостью мужа. Он запрещал ей покупать для себя нижнее бельё, лишние продукты, принимать гостей. Он ревновал её ко всем встречным и постоянно укорял в мотовстве.

К шестому месяцу беременности женщина не выдержала и ушла. Единственное, что беспокоило Анатолия в тот момент, заключалось в вопросе: «Ты не собираешься компенсировать мне всё, что я на тебя истратил?»

В своём понимании он казался едва ли не небесным благодетелем для этой необразованной крестьянки из глухого села. Он же закончил техникум!.. Он вытащил её в город, научил правильно работать, дарил ей ночи… И ему даже на ум не приходило, что к своим 20 годам

Светлана с отличием закончила медучилище, имела диплом медсестры, умела трудиться и без его наставлений, а ночи с Матюхой для неё значили не так уж много после дневных перегрузок физическим трудом. До связи с ним она нигде не работала лишь потому, что в деревне работы не было, а добираться ежедневно в районный центр было слишком неудобно, учитывая удалённость её деревни.

Светлана уехала, оставив полный шкаф вещей, которые муж отказался отдать.

Спустя три месяца она родила сына Вадима; ещё через год в селе открылся медпункт, где ей и предложили работу.

Тем временем Анатолий снова зажил холостяцкой жизнью. К тому времени ему исполнилось сорок лет. Молодые женщины на него уже не обращали внимания, а более зрелых его обвисшие усы не интересовали. Он работал в одиночестве, как и хозяйничал, и спал. Как раз произошёл распад Союза, что привело к самоликвидации заготконтор, обесценились деньги. Это повлекло обнищание многих людей. Особенно болезненно это отразилось на Матюхе, у которого на счёту банка «Украина» находились около шестидесяти тысяч рублей. Банк канул в Лету вместе с деньгами вкладчиков. Года два после этого Матюха ходил с таким видом, словно придавили чем-то тяжёлым.

Пытаясь исправить положение, он трудился на пасеке, продавал мёд, выращивал свиней. Но сельскохозяйственная продукция далеко не всегда и не везде в цене, потому зачастую получалось, что прибыль едва компенсировала затраты. Мёд почему-то портился. Выбрасывать его было жалко, потому он перерабатывал его на водку.

В доме Анатолия снова воцарился беспорядок. Нужна была хозяйка – бескорыстная, глупее его, трудолюбивая. Где такую найти? Но Матюха нашёл. Её звали Людмилой. У неё была маленькая дочь, которую новоиспечённый муж потребовал оставить на попечение родителей жены.

– Ещё не хватало, чтобы я кормил чужих выплодков! – возмущался он.

Людмила провела в доме Анатолия десять лет. За эти годы тяжёлый труд превратил её в старуху. Она чрезвычайно поглупела. Чего греха таить, труд может не только облагораживать, но и влиять на рассудок…

Но даже эта неприхотливая женщина, не блистающая ни красотой, ни умом, ни вкусов, ни амбициями, однажды ушла от него. Сказав, что уезжает в столицу на заработки, она больше не вернулась. Даже вещи оставила.

С тех пор Анатолий живёт в полном одиночестве. Теперь он не занимается большими огородами, поскольку сил не хватает. Он больше не занимается и ростовщичеством, поскольку для этого нет капитала. Он сократил объём пасеки, потому что не сумел уберечь её от вредителей. Он продал лошадку и вместо неё приобрёл мотоблок.

Как-то к нему приехал сын, нажитый со Светланой. Взрослый человек сразу обратил внимание на «радушие» отца – на столе красовались блюда, при более тщательном знакомстве с которыми оказалось, что кушать-то нечего. Куриный холодец был приготовлен из самих лап, заливным толстолобиком отец назвал головы, совершенно лишённые мяса, салатом – порезанные солёные огурцы, водкой – пойло, изготовленное из прокисшего мёда. На прощанье папа, увидевший его впервые в жизни, предложил:

– Ну, ты заезжай, если что… Поможешь…

Недавно Анатолий отметил свой шестьдесят восьмой день рождения. Что он имеет? Ни денег, ни уважения со стороны окружающих, ни доброй памяти по себе в чьих-либо сердцах. Он совершенно одинок. И женщины, встречавшиеся в его жизни, оказались обманом. Вполне возможно, что в разладе отношений с ними содержалась и его вина. Но сейчас слишком поздно вспоминать об этом, и тем более, что-либо исправить.

Почему-то вспомнилась улыбка Маши. Этой женщине перевалило за шестьдесят, но до сих пор она сохранила миловидность и добродушие. А её улыбка всегда излучает нежность и… некий призыв. Показалось ему или нет?

Впервые Матюха задумался об этом ещё ночью, но тогда мысли ушли в иное русло. А сейчас вот перед внутренним взором снова проявился Машин образ. Он знал её с детства, она привлекала его ещё в молодости. Но тогда она казалась слишком маленькой и чересчур общительной. Но потом, по истечении многих лет, когда она успела похоронить мужа и превратилась в бабушку, при встречах она одаривала его улыбкой. Эх, Марья Васильевна!.. Что в твоей улыбке – неужели намёк?.. А что было бы, если бы он связал свою жизнь с самого начала с этой милой женщиной?

Эта мысль не давала Анатолию покоя до самого обеда. Наконец он не выдержал.

– А чего стесняться? – спросил он себя. – Мы же не молодые, стыдиться-то нечего…

Приодевшись, он вышел из дому и направился в другой конец улочки, где находился Машин дом.

Дверь открыла младшая из её внучек – смешливая девочка лет тринадцати.

– Бабулька, это к тебе! – крикнула она, обращая взор в сторону кухни. Там что-то затарахтело, упало, и в следующий момент перед глазами Анатолия появилась она. Её руки были перепачканы тестом, но глаза и уста, как всегда, излучали добродушие.

– Анатолий Ильич, вы?! – удивилась она.

– Простите, Марья Васильевна… – замялся он.

Уловив посредством интуиции, что причина, которая привела его к этому дому, несомненно важная, она пригласила его войти.

– Нет, что вы…

– А мы тут с девочками пироги готовим…

Он решился.

– Марья Васильевна, мы с вами уже давно не маленькие… Словом…

Она терпеливо ждала, глядя на него с любопытством и, как будто, призывом. Есть женщины, умеющие смотреть именно так, как и чувствовать, что надо ждать.

– Я слушаю, Толя…

«Толя… Как мило это звучит из её уст!» Старческая, морщинистая кожа на его лице покрылась едва заметным румянцем, как в пятнадцать лет.

– Маша, мы знакомы давно, Я хотел спросить…

– Ну же, Толя! У меня тесто…

– Извини…те… Просто я, видя вашу улыбку…

Женщина опустила взор. Природа ей подсказывала, когда его следует опустить.

– И вот я подумал: а если бы я когда-то попытался… Если бы между нами… Если бы мы поженились… Вы могли бы жить со мной?

– Толя, конечно же! Вы очень хороший, умный… Я была бы вам верной супругой. И со мной вы бы не превратились в бирюка, а до сих пор радовались жизни.

Она произносила эти слова мягко и просто, бесхитростно и честно. Её пышный бюст заманчиво колыхался в такт дыханию. Анатолий, не помня себя, воскликнул:

– Маша, а если бы сейчас?..

Она улыбнулась с непередаваемой печалью в глазах.

– Сейчас, когда нам почти по семьдесят лет? Нет, Толя… Потому что рассаду не высаживают зимой… Нет, нет… Извините, у меня там тесто…

С этими словами она одарила его прощальной улыбкой и скрылась за дверью. Постояв на месте ещё минуту или две, он услышал звонкий девичий смех. «Это, наверное, надо мной смеются,» – решил он и быстрым шагом направился домой. По пути в его сознании всё навязчивее пульсировала мысль: «А ведь всё могло сложиться по-другому!»

Придя домой, он налил полный стакан водки, выпил и, не закусывая, закурил. «Всё могло быть иначе, – снова подумал он. – У меня могла быть хорошая жена, любимые и желанные дети. И они сейчас приезжали бы к нам… И мы вместе с Машей готовили бы для них пироги…»

Он снова выпил. «Я никому не нужен, я прожил ничтожную жизнь, – продолжал рассуждать он. – Причина моих неудач во мне самом. Следует это искоренить, как искореняют сорняки…»

С этой мыслью он извлёк из-под стола верёвку, закрепил её на потолке, сделал петлю. Выпив ещё полстакана и несколько раз затянувшись дешёвой сигаретой, он надел петлю на свою тонкую шею и оттолкнул табурет. Его тщедушное тело извивалось в борьбе за жизнь совсем недолго, всего минуту.

… В течение следующей ночи снова дул крепкий ветер. На следующее утро в дверь постучались. Под легкими ударами женских пальцев она открылась сама собой.

– Ау, Анатолий Иванович! – окликнула женщина, проходя в прихожую. – А я вам пирожков принесла… Толя, где же вы? Мои девочки не против, чтобы вы стали для них дедушкой…

Но в комнате царил запах смерти и тлена…

Виорика

1

Макс проснулся в холодном поту. Его снова мучил кошмар. Как иначе назвать постоянно повторяющийся сон, во время которого человек видит себя в опасности? Его преследовали, выкрикивая угрозы; к нему тянулись длинные костлявые руки, стремясь схватить за ноги; его догоняли, валили наземь, над ним угрожающе склонялись десятки лиц… Точнее, черепов с пустыми глазницами…

Он пытался сопротивляться, вырываться, бежать, но тело оставалось неподвижным, подчиняясь чьей-то могущественной воле, какому-то всевластному сатанинскому приказу. К его горлу тянутся чьи-то пальцы, сжимают его мёртвой хваткой. Он не в силах даже закричать, но в последний миг находит в себе силы проснуться с криком:

– Виорика!!!

Сон, каким бы он не казался страшным, можно было бы с презрением отбросить куда-нибудь подальше от чердака, называемого памятью… если бы он не являлся частью реальности. Как и Виорика.

Вытирая чело от липкого пота, Макс пытался привести в порядок свои мысли. Нет, этого не может быть!..

2

Если наблюдать закат с обрывистых берегов Днестра, он кажется очень красивым. Могучая река катит свои мутные и бурные воды в течение многих тысяч лет, но в истории, пожалуй, ещё не было поколения, которое не любовалось бы этими закатами. Не только закаты, но и восходы солнца здесь необычайно красивы, как и сама река, деревья, берега, и даже ласточки, вылетающие из-под этих берегов яркими стрелами. Их здесь миллионы, десятки миллионов – столько же, сколько норок в обрывах, где эти птицы гнездятся.

Дивный край с удивительной природой, дикими легендами и непредсказуемым будущим. Серёга и Макс, аспиранты из столичного вуза, не зря попросились сюда. Кроме того, у Сергея здесь проживала родня в особе бабушки. Что касается Максима, ему было все равно, куда ехать, лишь бы поскорее сдать работу по геологии Приднестровья и приступить к написанию диссертации. Иначе что делать двум молодым парням в месте, которое отстоит от ближайшей деревушки на десять километров?

В тот памятный вечер Серёга намеревался пойти к бабушке. Он ещё приглашал Макса, но тот отказался, – то ли под влиянием очарования вечера, то ли хотел остаться наедине с собой, чтобы закончить работу при свете фонаря. Так или иначе, Макс вздохнул с облегчением, когда остался в полном одиночестве.

Умилённым взглядом он проводил солнышко, уловив тот момент, когда нижний край диска спрятался за линией горизонта; потом засел за работу, периодически подбрасывая в костёр хрупкие ветки. Палатка, словно дожидаясь его, радушно раскрывала вход. Мирно светили звёзды, вот-вот взойдёт Луна. Долго чирикали сверчки, убаюкивая и внушая спокойствие. Часа в два, наконец, закончив последний абзац, Максим решил поддаться влиянию Гипноса и полез в палатку. Однако по какой-то причине он не мог уснуть около часа, перебирая в уме основные моменты только что законченной работы. Потом его мысли устремились в ином направлении. Он вспомнил свою недавнюю любовь, которая, как это часто случается в юности, ушла столь же внезапно, как и пришла. Её звали Наташей. С этой русоволосой девушкой было интересно… поначалу. А потом она начала претендовать на его личное время – на те моменты, когда утончённая творческая натура стремится побыть в полном одиночестве. Эгоистка…

Максим отключился часа в три, если не позже. Но едва его сознание погрузилось в пелену сна, ему показалось, будто земля под его телом задрожала. Послышался отдалённый грохот. «Что это?» – удивился он, но тотчас же забылся в крепком сне.

Когда он проснулся, солнце уже взошло. Жаль, потому что он любил встречать рассвет. Но ушедшего не вернуть. Потому, вздохнув, Макс раздул костёр и поставил чайник. Вскоре вода закипела и от палатки распространился аромат кофе. Сделав бутерброд, Макс начал скромный студенческий завтрак. В палатке находилось немало еды – тушёнка, консервы из рыбы, какие-то салаты, – но парень не хотел загружать желудок с самого утра. Он вообще не привык завтракать в полном смысле слова, потому что наполненный желудок мешает работе мысли.

Утренние птички, которых так любил слушать Макс, к этому времени отчирикали положенное и, оставив в окрестностях палатки гробовую тишину, улетели искать пропитание. Без их звуков было скучно, потому молодой человек включил мобильный телефон, в котором содержалось немало музыки.

Как раз звучала «История любви» Поля Мориа, когда Макс услышал сзади неясный шорох. Оглянувшись, он увидел незнакомую девушку. Откуда в этих местах могла появиться девушка, да ещё в одиночестве? Но в тот момент его взволновало не это, а то, что её наряд показался странным.

Конечно, ему приходилось в студенческие годы участвовать в конкурсах художественной самодеятельности, поэтому с народными костюмами он был знаком. Они были сшиты из атласа, который всякий раз приходилось проглаживать. Это надоедало… Но девушка была одета в костюм из более жёсткой ткани. Кроме того, украшения, принятые в женских кругах, на её груди выглядели… естественно. Не так, как у студенток или артисток, которые цепляют на себя всё, что могут. На девушке были бусы особенные, предназначенные именно для праздника. И обувь… не такая, какую привык видеть Макс. Лишь после этого секундного размышления ему в голову пришёл вопрос: «Откуда она взялась?»

Она поздоровалась первой:

– Здоровенькі булы!

Ему следовало ещё в ту минуту обратить внимание на необычность приветствия. В наших краях так никто не здоровается. Оборот устарел! Но Макс, едва взглянув в глаза девушки, был ошеломлён её красотой: линии лица были правильны, как из-под кисти художника-романтика, фигурка, ножки, руки, – словно выточенные знаменитым ваятелем, поражали и привлекали к себе. Макс заметил, что под расшитой замысловатыми узорами сорочкой отсутствует бюстгальтер. «Странно!» – мысленно усмехнулся он.

Впрочем, в этой глуши, располагающейся между Могилёв-Подольским и Ямполем, можно встретить что угодно…

– Привет, красавица! – воскликнул он, но тотчас же счёл необходимым исправиться: – Доброго дня!

– Я також люблю, коли грають музики, – произнесла она нежным голоском.

Подобной красоты ему не приходилось встречать нигде и никогда. Даже на картинах знаменитостей европейского масштаба. Он смотрел на незнакомку, будучи не в силах оторвать взор от её глаз, не замечая вокруг ничего. Наконец, ему пришло в голову, что она может быть голодна.

– Дозвольте, пані, пригостити вас кавою? – спросил он дрожащим голосом.

– Кавою? – почему-то удивилась она. – А що то таке?

«Она шутит! – встрепенулся Макс.

– Це напій такий. Мені смачно. Відчуваєте, як пахне?

– Та пахтить добре, а чи його приємно їсти?

– Їсти?! Та ні, каву треба пити.

Максу на миг показалось, будто девица подшучивает над ним. Он уже хотел произнести какую-нибудь колкость, характерную для подобных случаев, но снова заглянув в те чудесные лаза, заставил себя поверить в её неведение. Он постарался намешать в чашку побольше сахара, и не ошибся. Кофе очень понравился новой знакомой. Правда, она каким-то странным взглядом рассматривала пластмассовую чашку, но в тот момент он не придал этому значения.

– Я – Макс… Максим. А вас як величати? – поинтересовался он.

– А я – Віоріка, – ответила девушка, застенчиво опуская взор.

– Віоріка? Дивне ім/я… Але напрочуд гарне…

От этих слов личико девушки покрылось румянцем.

Этот румянец тоже мог показаться странным, необычным, поскольку современные девицы принимают похвалы как должное.

– А хто ви, чим займаєтесь в наших краях? – поинтересовалась она.

– Я? Я – геолог. Вивчаю природу вашого краю, – невозмутимо ответил он, любуясь её глазами.

Потом они отправились, по её настоянию, в деревню. С её слов, поселение, в котором она жила, было небольшим. Почему-то девушка настояла, чтобы он никому из встречных не отвечал даже на приветствия, особенно на вопросы. Ему всякий раз становилось неловко, когда люди с ним здоровались, а он не мог себе позволить ответить тем же.

3

Знакомство с родителями – ритуал довольно ответственный. Такое представление об этом отпечаталось в подсознании Макса ещё с юношеских лет. Однако родители Виорики встретили его вполне гостеприимно, словно были готовы к этому. Его угощали неизвестными блюдами, заглядывали в глаза, словно пытаясь угадать все его желания. И, главное, задержать в доме. Отец, человек крепкого сложения, пытался увлечь его рассказами о былых приключениях, а мать, молдаванка, напевала древние дойны.

После завтрака Виорика предложила ему прогуляться. Она вывела его за пределы деревушки. Там он ей и объяснился. А что удивительного? Перед этой красавицей устоять было невозможно. Складывалось впечатление, будто она создана специально для него, а он – для неё.

Вкус её губ до сих пор ощущался на устах Макса. Они пахли утренней земляникой.

Он ещё в тот день обратил внимание на полное отсутствие в посёлке проводов, столбов, и вообще электроэнергии, но не придал этому значения. Как и тому, что родители Виорики долго рассматривали его мобильник, из которого играла музика.

Они соединились в порыве любви. Виорика была неповторимой в своей диковатой невинности и искренности.

Он предлагал ей выйти за него замуж, на что она ответила согласием. Есть на свете женщины, при виде которых мужчина не желает задумываться ни о чём… В отличие от многих его бывших пассий, она не выразила испуга, когда его тело исторгло то, что должно исторгать в процессе любовного акта.

После обеда он обратил внимание на то, что родители девушки начали обращать внимание на часы – старинные часы с маятником, висевшие на стене.

– Скоро, скоро… – прошептал отец.

При этих словах мать, женщина довольно затурканная и согбенная, горестно вздохнула.

К шести часам вечера на центральной площади намечались танцы. Виорика тщательно готовилась к ним. Она принарядилась, как и подобало девушке её возраста, только в её облике появилось нечто особенное, вследствие чего создавалось впечатление, будто ожидается ответственный магический акт.

И эти взгляды на стенные часы… Они поневоле обращали на себя внимание. Макс спросил у невесты об этом, на что она ответила нечто неопределённое. Он мысленно пытался сопоставить реальность с тем, что ему пришлось увидеть в течение дня: одежда из настоящего сукна, вареники с маком в сметане, отсутствие в деревне проводов, странная речь… Это вкушало подозрение, но оно было столь же неопределённым, как и ответы Виорики.

Играла музика, которой Макс никогда в своей жизни не слыхивал. На площади танцевали около двухсот людей, – танцевали совсем не так, как он привык видеть.

Часам к одинадцати вечера он обратил внимание на всеобщую напряжённость. Люди не сталько веселились, сколько посматривали на часы, вмонтированные в старую башню. Да и смеялись они как-то вынужденно, деланно… Даже Виорика. На его вопросы она отвечала сдержанно и кратко.

Когда пробило одиннадцать, публика издала нечто вроде вздоха. В эту минуту Виорика шепнула ему в ухо:

– Пойдём отсюда!

Он подчинился. Её голос был таким влекущим и завораживающим!..

– Куда мы идём? – спросил он, позабыв, что говорит по-русски.

Но это, казалось, нисколько не озадачило девушку. Она взяла его за руку и, как ребёнка, увлекла в неизвестность, подальше от людей.

Ему представилось, что она снова хочет близости, потому охотно поддался этой игре. Но Виорика уводила его всё дальше и дальше, преодолевая овраги и кустарники.

– Мы уходим из деревни? – в недоумении спросил Макс.

– Да, милый, – почти шёпотом ответила она.

Вдруг под ногами почувствовалось лёгкое сотрясение. Девушка заметно вздрогнула.

– Скорее, скорее! – говорила она, увлекая его всё дальше и дальше.

Спустя минут пять она остановилась.

– Я не успею, дорогой, – с отчаяньем воскликнула Виорика. – Ты должен бежать сам.

– Куда бежать? Виорика, объясни, в чём дело! – недоумевал он.

Но она не отвечала.

– Беги! Беги так, милый, как ещё никогда не бегал! – почти кричала она. – Беги, иначе тебе придётся остаться здесь навсегда.

Он улыбнулся.

– Но мне бы хотелось остаться с тобой! В гробу я видал диссертацию и научную работу!

– Нельзя так говорить, нельзя! – вскричала она. – Всё, я возвращаюсь…

Он растерялся.

– А как же мы? Как же наша любовь?!

– Не могу, Максим, – с горестью ответила она.

– Тебе страшно возвращаться к родителям? Они тебе запретили общаться со мной? В таком случае, пойдём со мной!

– Ты не понимаешь… Я не могу идти с тобой, не могу! Нельзя мне!

В эту минуту часы начали бить полночь.

– Всё, милый. В иное время у нас было бы всё хорошо, но… Время сильнее.

В её голосе сквозило неподдельное сожаление.

Часы неумолимо отвешивали удар за ударом.

– Всё, – промолвила она, целуя его в губы.

Вдруг земля под ногами задрожала, воздух наполнился напряженим и грохотом; перед глазами у Макса всё поплыло и он, теряя сознание, в последний момент увидел, как Виорика отдаляется от него…

4

Утром Сергей обнаружил его у палатки. У Макса был такой вид, как будто ему пришлось пешком преодолеть километров сто – одежда изорвана, в болоте, глаза беспорядочно бегали в разные стороны. На все вопросы он отвечал только одним словом:

– Виорика!

Друг отвёл его к бабушке. Та, слушая бред, который нёс нежданный гость, сделала свои выводы. Перед тем, как отправить внука на машине «скорой помощи» в город, она сказала:

– Они не отпустят твого друга.

– Кто не отпустит? – спросил тот.

– Они…

– Кто «они»?

Старушка замялась, но объяснила:

– Проклятые.

Сергей не отличался суеверной покорностью, потому начал расспрашивать. После долгих колебаний бабушка сказала:

– Лет четыреста тому назад в наших местах находилась деревня. Однажды она ушла под землю. Ушла вместе с заброшенным храмом и башней с часами.

– Деревня? Бабуля, согласно нашим данням, никаких разломов или провалов почвы здесь не может быть! – тоном профессионала возмутился Сергей.

– Много вы знаете, геологи… – скептически произнесла старуха. – Возомнили о себе, понимаешь… Эта деревня появляется на поверхности земли каждые двадцать лет.

Внук задумался.

– Хорошо, бабка, пусть будет по-твоему, – согласился он ради того, чтобы не спорить с родным человеком. – Я понимаю, что в мире есть много такого, что нам и не снилось. Но почему ты полагаешь, что Максима не отпустят?

– Я слышала его бред. Он ТАМ оставил такое… Словом, это вернуть назад никак невозможно.

– Баб, ну я же говорил, что никакого села в нашей округе не было! – не выдержал молодой человек. – Милая, что он мог оставить такое, чего уже не вернуть?

– Ну ты и глуп! – не выдержала старуха. – Разве ты не слышал, о чём бредил твой друг? Разве ты не видел, что он вернулся к палатке уже засветло? И весь перепачканный глиной и в лохмотьях? Он побывал в проклятой деревне. Там он встретил девушку, в которую влюбился. Они стали… Словом, сблизились. Тепер ты понимаешь, что он оставил в ней то, от чего получаются дети? И одежду на нём порвали не кусты, как ты полагаешь, а пальцы мертвецов, которые хотели оставить его у себя!

– Гм… – краснея, недоверчиво посмотрел на бабку Сергей.

– И после этого проклятые имеют над ним такую власть, что не отмолит ни один батюшка, не «отведёт» никакая знахарка, никакая ведьма.

– А зачем село появляется на поверхности? Да и как это возможно?

– Сынок, ты ещё многого не знаешь… – вздохнула старуха. – Бог их специально возвращает на землю для раскаяния, но они тратят этот день для того, чтобы увлечь к себе новые, неиспорченные души.

– То есть?.. Но у нас есть опытные психиатры, экстрасенсы…

В ответ бабка лишь печально покачала головой…

С тех пор жизнь Макса проходила монотонно: днём он занимался, как и подобало человеку интеллектуальному, наукой и писаниной, а ночью неведомая сила увлекала его в неизвестность. Тело оставалось лежать в больничной кровати, но душа…

Врачи констатировали у него странную, неизученную форму лунатизма, усложнённую психозом…

Поскольку во вменяемости Макса никто не сомневался, его вскоре выписали. Он защитил кандидатскую, а потом и докторскую диссертации, стал весьма уважаемым професором. Но всех удивляло, почему он остаётся одиноким. На все вопросы он отвечал молчаливой улыбкой.

От памятного приключения прошло двадцать лет. В один прекрасный день професор не явился на лекции, что озадачило ректорат. За ним посылали, но найти не могли. Только Серёга, узнав о происшествии, вздрогнул. Впрочем, взглянув на календарь, он понимающе вздохнул:

– Да-а-а… Кажется, больше его никто не увидит…

Вокзал

Ещё не доходя до вокзала, начинаешь осознавать, что здесь до тебя побывали люди. Их присутствие чувствуется повсюду – в шуме машин, назойливом голосе диспетчера, сверкающих рекламных щитах. Десятки скамеек, на поверхности которых угадываются прикосновения тысяч грязных рук, столики в забегаловке, залапанные неисчислимым множеством потных ладоней, плохо убранные полы, на которых никогда не просыхают плевки скучающих пассажиров…

До твоего поезда ещё слишком далеко, но, вместе с тем, не настолько, чтобы уйти отсюда. Шесть часов ожидания. Ты взял билет, надеешься на то, что тебя увезут в какое-то новое измерение, где ожидает новая жизнь или, по крайней мере, новый её виток. Как же до боли, до чёртиков надоело старое – въевшееся в кожные поры, в сердце, в самую душу! Хоть бы не перепутать платформы, а то будет обидно впоследствии. Идёшь к справочной.

– Извините, кто последний сюда? – спрашиваешь у ближайшей спины, от которой исходит хлад безразличия.

Но спине нет до тебя никакого дела. Она проталкивается к своей непонятной цели, ей кажется, будто эта цель – важнее всего на свете.

Вокруг окошечка скопились десяток пустых, эгоистичных физиономий.

– А вы не скажете, во сколько поезд на Мурманск? – исторгает из себя одна из них.

– Сегодня этого поезда нет, – кратко, чеканно, исторгает из себя окошечко.

Чеканно, как звук сапог, исторгаемый ротой солдат Вермахта. Неумолимо, как приговор трибунала…

– Но как же так?! Мне продали билет на сегодня!.. – не то восторгается, не то сумасшествует заблудшая душа и уходит в неизвестном направлении.

Словно в небытие…

– А можно ли обменять билет до Москвы на завтра? – с надеждой интересуется дамочка неопределённого возраста.

– Разве я похожа на волшебницу, чтобы изменять судьбы? – невозмутимо отвечает голос из окошка.

– Но вы поймите…

Дальнейшие объяснения нецелесообразны. Окошечко бездушно, хладнокровно, неумолимо. Поэтому очередная спина тоже уходит. В небытие…

В нескольких шагах от справочной стоят двое. По их виду можно сделать выводы: употребляют водку и перебиваются случайными заработками. Из одной изрядно примятой физиономии слышится:

– Вот так, изо дня в день… То строительство, то уборка мусора…

– А спишь где? – любопытствует другая, столь же примятая.

– Где придётся… Не тратиться же на гостиницу. В Киеве, знаешь ли, дорого… Но, в основном, на вокзале…

– От такой жизни можно и подохнуть…

– Не спорю. Вот, взгляни…

С этими словами человекообразное существо беззастенчиво расстёгивает брюки, снимает их ниже таза и демонстрирует ужасную язву размером с чайное блюдце.

– Ужас! – стонет собеседник. – Это что за гадость?

– Как-то само по себе появилось…

– Но там же такая дырища, что кость видна!..

– Ничего, пока работать можно…

– А сам-то откуда?

– Из Донецка… Ради родных стараюсь… Давай выпьем!..

Понимая, что в этот час к окошечку не пробиться, отходишь в сторону.

– Документы! – вдруг ударяет голос справа.

Мент как мент, только лицо слишком наглое. Одного ли пассажира здесь обчистили до нитки такие же «служители» Фемиды? Это ведомо лишь Господу Богу да вечно заплёванному полу…

Подходишь к автомату, берёшь чашку кофе. Эрзац, не настоящий, но таки кофе… Выходишь на улицу, потому что кофе лучше идёт с сигаретой. В сторонке разговаривают две женщины лет тридцати пяти.

– Вчера я своего подловила…, – говорит одна. – Теперь никуда не денется.

– Как? Что ты сделала? – спрашивает другая, пожирая подругу восхищённым взором.

– Ты ведь помнишь, как я окрутила его?

– Ну… в общем… Кажется, ты женила его на себе?

– Сашка был юрист ещё тот, с ним надо было держать ухо востро. Но на всякую старуху, как ты знаешь, есть проруха.

– Ну же, не томи!..

– Он влюбился в меня. Представляешь: столичный щеголь, с высшим образованием, умненький – и втюрился в меня – простую сельскую девку!

– Я это помню. Ну и…?

– А дальше случилось то, до чего никто бы не додумался. Он из великой любви оформляет контракт… Слыхала о браках по контракту?

– Приходилось…

– Ну вот… Он сам сделал оговорку, что в случае своей измены оставляет всё имущество мне.

– Честный он человек…

– Да, конечно… Только неужели ты полагаешь, будто он сам был мне нужен? Квартира мне была нужна в Киеве, вот и всё.

– Но, Лёля, всё-таки довести мужика до измены – вещь не шуточная. Особенно такого, как твой…

– Да всё просто, милая Зиночка! Прожив с этим олухом три года, я поняла, что дольше не выдержу. И всё бы ничего, если бы я не залетела. От другого…

– Да ты что?!

– Да, я могла лишиться всего. Но вдруг мне пришла в голову идея… Ты ведь знаешь, что нам, женщинам, иногда приходит в головушки такое, что никаким юристам и не снилось. Так вот, нам понадобилась прислуга. Я и наняла продувную бестию, которая могла бы и самого Дьявола соблазнить. Договорилась с ней о награде… А она, едва взглянув на мужа, сразу заявила, что всё произойдёт не позже, чем через неделю. Так оно и вышло!

– Да ты что?!

– Однажды девчонка заявила, что ЭТО состоится через час. Я и позвала друзей мужа, свою маму, соседей – якобы на банкет. И когда все сошлись, я просто повела их к спальне.

– Да ты что?! И?..

– Ну, там как раз шёл бой…в самом разгаре…

– Да ты что?! А что же он?

– Муж? Ни слова не говоря, собрал вещи и был таков. Таким образом, я превратилась в полноценную хозяйку трёхкомнатной квартиры. Хоть будет куда принести малыша…

– Вот это да!..

– Ничего… Так ему и надо!

– Да… Все мужики – сволочи!.. Так им и надо!..

Начинаешь понимать, что эта уже дождалась своего поезда… Или, во всяком случае, поворота в нужную сторону. Вместе с тем, я знаю: мне туда не надо…

Вот и кофе почти допит… Да и не хочется уже его пить. Не настоящий он, эрзац… как и всё в этой жизни. Любовь подменили прагматичностью, преданность – меркантильностью, мужество – грубостью, простоту – хамством… Всё сплошной эрзац…

Хочется изменить судьбу, сесть на другой поезд, который увёз бы тебя куда-то далеко-далеко, в неведомые страны, но не всегда повезёт с билетом. А бывает, что поезд следует по круговому маршруту. Сколько бы ты ни ехал, все равно окажешься в том же месте, откуда выехал. Но даже в случае, если успеваешь на нужный поезд, приходится претерпеть все мучения ада, пока пройдёшь по заплёванному полу, преодолеешь различные гадости. Прежде, чем достигнешь цели, невольно обнаруживаешь: я уже не тот, не такой… И нужна ли мне та цель? Ведь, в конечном итоге, там всё обстоит точно так же, как здесь…

Не жизнь, а сплошной вокзал… Общедоступный, замаранный, оплёванный…

Голос мима

1

В разреженной массе морозного ночного воздуха было бы невозможно понять, чьи беспорядочные шаги тревожат рыхлый снежный покров – мужские или женские, существа ли сознательного или же какой-то бесформенной массы с другой планеты. Царила одна из первых декабрьских ночей, когда зима только начинает вступать в свои права. Небосвод, ещё не вполне очистившись от плотных облаков, накануне разродившихся обильным снегопадом, лишь местами мерцал яркими звёздами, луна дожидалась своего выхода на сцену где-то за далёкими кулисами горизонта, а мороз уже крепко щипал за открытые участки тела. Но человек, шедший наугад, ничего не замечая вокруг, обо всём этом помышлять не мог.

Вернувшись с гастролей на три дня раньше, чем рассчитывал, он купил огромный букет хризантем и, наняв такси, поспешил домой. Дом находился в десятке километров от столицы, там было тепло и уютно; но главное – в этих родных пенатах его возвращения дожидалась Амалия. О, как же он её любил! Не проходило ни минуты, чтобы Феликс Винницкий не подумал об этой удивительной женщине. Он не уставал бы восхищаться ею даже спустя сто, тысячу лет. Это была не просто женщина; это – сама мечта мира! И с каждым годом, проведённым с нею, он чувствовал всё большую привязанность к ней.

Они познакомились давно, лет за десять до описываемого вечера. Однажды ему, молодому, но уже изрядно преуспевшему оперному певцу, пришлось добираться домой в обыкновенном трамвае. Эта девочка, затерянная среди пассажиров, узнала его и, поздоровавшись, застенчиво опустила взор. Феликс влюбился в те глаза, едва лишь увидев, поэтому не мог просто так расстаться с их обладательницей. В тот день они долго ходили по улицам и разговаривали обо всём на свете. Амалия приехала поступать в педагогический и «срезалась» на математике. Теперь вот собиралась возвращаться домой, в далёкий провинциальный посёлок, но этого так не хотелось! А всё – из-за стыда перед знакомыми и родственниками, которые получат повод если и не подтрунивать над ней, то смотреть свысока.

В свои семнадцать лет она представляла собою сплошное очарование, а Феликсу только что исполнилось двадцать три. Не долго думая, не желая ничего слышать, он потащил её в свой дом, где и предложил остаться навсегда. В роли хозяйки.

Спустя месяц они поженились.

Феликс доверял своей избраннице превыше всех на свете, даже больше, чем себе самому. Этому цветку, этому венцу желаний он посвящал асё своё свободное время. А зачастую и рабочее: он брал её с собой на репетиции, перезнакомил со всеми театральными секретами и их носителями, поначалу вводя юную жену в смущение. Впрочем, она быстро обвыклась. Ей импонировала роль музы, невольно предложенная мужем, поэтому она всегда находилась в первом ряду зрительного зала, и можно было с уверенностью сказать: где находится он, там обязательно присутствует и она.

Такая идиллия продолжалась в течение первых лет. Всё окружение Феликса привыкло к ней, её воспринимали, как некий придаток или даже неотъемлемую часть самого Винницкого. Правда, кое-кто невольно задавался вопросом, почему у столь блистательной пары до сих пор нет детей, но выражать его вслух не осмеливались. Феликс ни за что не признался бы даже своему духовнику в том, что детей нет по вине Амалии, которая в 16 лет, совершив глупость, вынуждена была по настоянию матери сделать аборт. Для него она оставалась святой.

Однако с некоторых пор женщина начала пропускать его концерты, появляясь в компании мужа всё реже и реже. Ему говорили об этом, но влюблённый ничего не замечал. Он помо-

гал ей во всём, даже в учёбе: единственный раз в жизни использовав своё имя, он пристроил её в театральный, благодаря чему она теперь имеет диплом музыкального критика. Он жил ею и только ею, чего нельзя сказать о ней.

У неё образовался свой круг знакомых. То и дело она где-то задерживалась, зачастую возвращаясь домой среди ночи, или куда-то уезжала в сопровождении совершенно незнакомых мужу людей, не заботясь о том, чтобы представить их ему. Всё это Феликс воспринимал, как норму. Амалия, на всякий случай, заявила, что принимает участие в работе благотворительного фонда.

Вернувшись сегодня с гастролей, он поспешил к ней, но, подъехав к собственному дому, был несказанно удивлён, увидев у ворот бронированный «BMW» и два «Джипа», предназначенных для охраны. Когда он намеревался войти, его остановили крепкие ребята в чёрных костюмах.

– Да вы что, господа! – воскликнул он. – Наверное, вы меня не узнаёте? Это же я, Феликс Винницкий, народный артист! А этот дом принадлежит мне.

– Ну и что с того, что ты – винницкий? – возразили ему. – А мы тут – киевские, и охраняем человека, чьих подмёток ты не стоишь. Артист, блин!..

– Кто этот человек? Сейчас я позвоню супруге, она подтвердит, что вы ошибаетесь и что хозяин дома – я.

С этими словами он извлёк из кармана пальто телефон и набрал номер Амалии. Она ответила… смехом. А потом отключилась. В известной степени это задело самолюбие Феликса. Он повторял вызов снова и снова, пока жена не выключила свой телефон окончательно. Краем уха артист улавливал насмешки телохранителей, но сдерживался. Да и что ему оставалось делать?..

Спустя час он увидел, как в гостиной загорелся свет. В тот же миг затрезвонила рация у начальника охраны.

– Да, Первый, мы ждём, – ответил он. – Можете идти, всё чисто.

Феликс видел, как входная дверь открылась, из неё вышел довольно упитанный седовласый человек, в котором он узнал… Словом, лицо, занимающее одну из высших должностей в государстве. Это «лицо» под звонкий и игривый смешок его жены пыталось застегнуть замок на брюках.

Феликс не хотел верить своим глазам. Его грубо оттеснили от ворот, но он, находясь в шоковом состоянии, этого и не заметил. А когда в сознании на миг просветлело и оно вновь обрело способность адекватно реагировать на происходящее, он, дождавшись, когда «Первый» поравнялся с ним, громко произнёс:

– Вот она – честь и совесть государства!

За это его изрядно поколотили. Сквозь боль он снова и снова слышал циничный смех Амалии. Она всё видела, и ей было смешно.

Она станет его презирать. Знакомые, узнав об инциденте, тоже будут его презирать.

Развестись, развестись немедленно! Но на это уйдёт уйма времени. Да и не сыграет ли с ним злую шутку неверная? Ведь любовник будет её защищать своими способами.

Но даже в случае развода оба виновника его позора останутся безнаказанными. И будут продолжать насмехаться, да ещё и в прессе обольют грязью. А Феликс весьма щепетильно относился к своей репутации. Стремясь избежать недоразумений и грязи, он даже уклонялся от сомнительных вечеринок и иных звёздных сборищ. Если для попсовых звёзд такие мероприятия служат едва ли не основным источником доходов и рекламы, он в этом не нуждался, – хотя бы потому, что находился на пару ступеней выше.

2

После того, как высокопоставленный ловелас уехал, Феликс кое-как поднялся с обочины и, не стряхивая снег с пальто, пошёл, куда глаза глядят. Под калиткой остался измятый букет хризантем – таких же белых и пушистых, как снег.

…Мороз крепчал, но он не замечал этого. Ему было жарко. Чувство смертельной обиды, смешанное с жаждой мести, распирало его существо изнутри, разрывая на тысячи частей. Обидчивость и мстительность – это не врождённые черты характера; они формируются со временем. Когда в юности Феликс занимался боксом, он никогда не испытывал ни злости к соперникам, ни жажды мести. «Откуда во мне это стремление?» – спрашивал он себя, но, не находя на этот вопрос ответа, продолжал ходить вокруг своего двора.

Как отомстить наглой и подлой твари, которой он отдал всё? Она убила не только всё то, что таилось в нём чистого и прекрасного; она хладнокровно уничтожила также и веру в людей, в женщин. Она убила Мечту…

Как отомстить тому, который прикрывается охраной и высоким положением?

Возможно, он сам как-то виновен в отношении Амалии? Задумавшись над этим, Феликс невольно остановился. Разве он плохо относился к этой женщине, разве обижал? Да ну, быть того не может!

Это она, она виновата! Прийти сюда совсем пацанкой, на всё готовое, ничего не делать по дому, вести беззаботную жизнь, выучиться за его счёт, купаться в лучах его славы, пользоваться всеми привилегиями от его имени, использовать его в каких-то своих тёмных интересах…

Нет, она не любила его изначально. Но как же можно жить с человеком, которого не любишь – есть с ним за одним столом, целоваться, спать в одной постели?

Амалия запятнала не только себя, его, но и само понятие «семья». Она растоптала не только его достоинство, но и душу. С каким сердцем, с какими мыслями он теперь будет исполнять роли Ромео или севильского цирюльника?

Эту обиду никогда не забыть, это пятно ничем не отмыть, и в свои 32 года Феликс хорошо это понимал.

Ей всё безразлично, как ветреной бабочке, а ему предстоит с этим жить и страдать.

И смех, смех…

От этих мыслей сердце снова сжалось чьей-то безжалостной, грязной рукой. В голове помутилось, так что он был вынужден остановиться снова и охватить её руками. Когда приступ несколько угомонился и руки отпустили виски, Феликс вздрогнул от неожиданности: в каких-то двух шагах перед ним стоял человек, одетый в чёрный фрак, пальто нараспашку и шляпу, – столь же чёрную, как ночь, как обида, как само зло. Он молчаливо взирал на Феликса, не реагируя ни на его удивление, ни на едва различимый возглас, означающий шок. Казалось, будто его глубоко запавшие чёрные глаза устремлены в саму душу артиста, всё в ней бесцеремонно перековыривают и переворачивают, обнажая наиболее потаённые уголки. Наконец, человек произнёс:

– Ну и досталось же тебе сегодня!

В ответ пострадавший пробормотал что-то невнятное.

– Теперь твоя жизнь круто изменится, я знаю, – продолжал человек в чёрном.

– Что тебе известно? – робко спросил Феликс, обращая взор к глазам этого странного существа.

Увы, глаз как таковых он не увидел; ему показалось, будто сквозь глазные отверстия незнакомца зияла бездна…

– Эта женщина тебя унизила так, как не способен унизить даже лютый враг. Она никогда не любила тебя. И даже знакомым об этом рассказывала. Над тобой станут потешаться, а вскоре сплетни о сегодняшнем вечере просочатся в прессу.

– Да… – прошептал Феликс, опуская голову.

На миг ему представилось, как вокруг его имени сгущаются чёрные тучи человеческого злопыхательства, зависти, грязи. Папарацци начнут ковыряться в его личной жизни, публиковать на страницах газет сплетни, высосанные из пальца. От последствий скрыться не удастся, они достанут даже далеко за океаном. И ожидает его судьба многих представителей искусства, которые из-за этого потеряли добрую славу, контракты, самих себя. Многие из них вынуждены были уйти со сцены, некоторые спились или даже свели счёты с жизнью. Подобный исход выглядел страшнее смерти.

– Что же делать, что делать?! – воскликнул он, умоляюще взглянув на незнакомца. – Ты же понимаешь, что я не всесилен, не в моей власти пресечь разговоры!

– Зато это вполне в моей власти, – ответил тот.

– В твоей? – недоверчиво спросил Феликс, невольно отступая на шаг. – Да кто ты вообще такой?

В эту минуту он стал ощущать холод, и только сейчас осознал, насколько продрог.

– Я? Называй меня… Впрочем, тебе незачем знать моё имя. Но будь уверен: я всегда готов помочь людям, попавшим в беду. И также готов мстить за них. Скажи, Феликс, ты ведь хочешь совершить месть, но не знаешь, как это сделать? Особенно мужчине, потому что он для тебя недосягаем.

– Да, да!

– Я сделаю это. Поверь, сама земля содрогнётся, дабы другим неповадно было. И ты ещё обретёшь возможность увидеть мучения людей, грубо поправших самое святое для тебя.

От этих слов Феликс ощутил в себе новый прилив обиды.

– Да, сделай это, кем бы ты ни был! – воскликнул он, пытаясь схватить этого человека за отвороты пальто. К его удивлению, пальцы прошли сквозь пустоту, но в тот момент он не придал этому значения.

– Сделай это, я хорошо заплачу…

Чёрный человек улыбнулся, отступая на шаг.

– Если ты имеешь в виду деньги, они мне ни к чему. Это ещё я могу дать их тебе, сколько пожелаешь. Мне нужна плата иного рода.

С этими словами он взглянул на Феликса так, что тот заметил в его глазницах сквозняк сомнения.

– Скажи, чего ты требуешь?

– Нет смысла, потому что ты все равно откажешься, – покачал головой собеседник.

– Нет, ты скажи! – настаивал Феликс, подступая к нему.

– Ладно, будь по-твоему. Мне нужен твой голос.

– Что? Голос? – опешил артист. – Голос?!

Он не верил своим ушам.

– Но как?..

– Ты не понял. Сам голос мне, конечно, не нужен. Мне вполне нравится и тот, которым меня наградила природа. Я исполню всё, что обещал, но ты должен прекратить петь для публики. Можешь тихонько петь для себя, закрывшись в комнате; можешь разговаривать сам с собой, но чтобы твоего пения отныне не слышали посторонние.

Ничего подобного Феликс не ожидал услышать. Ему, обладателю удивительного тенора в пять октав, который известен всему миру, – и уйти со сцены, кануть в безвестность?!

– Нет, со сцены уходить совсем не обязательно, – ответил на его мысли незнакомец. – Мне известно, сколько сил ты вложил в искусство. Нет, без сцены ты не сможешь жить. Но петь тебе ни в коем случае нельзя.

– Что же мне делать на сцене, если не петь? – удивился Феликс. – Как я смогу сыграть Гамлета, Ромео, Отелло, Дон-Жуана, если не буду петь?!

– Ты наивен, – улыбнулся неизвестный. – Означенных персонажей можно не менее красноречиво сыграть без пения да и вообще без слов.

– Но… как? – подавленно промямлил он.

– Посредством пантомимы, друг мой, – ответил голос, в котором сквозили мрачные нотки.

– Пантомимы? Но ведь это… Это же шутовство! Неужели ты велишь мне превратиться в паяца?

– Ну, здесь ты не прав. Шутами можно считать артистов, которые плохо играют. Или политиков, например… Но ты будешь играть великолепно, и я уже сейчас вижу, как тобою восхищается публика, как она поднимается с мест при твоём появлении на сцене.

– Но я никогда не занимался пантомимой! Для того, чтобы достичь мастерства в чём-либо, нужны годы тренировок…

– Ну и что? Тебе будет дано умение.

– Ну и чудеса! – растерянно улыбнулся Феликс.

– Ну как, по рукам?

– Даже не знаю…

В нерешительности он понурил голову.

– Подумай о мести…

От этих слов Феликс, который уже собирался отказаться, застыл на месте.

– Подумай о позоре…

Феликс побледнел.

– Подумай ещё раз. Пройдут месяцы, ты женишься на порядочной женщине, у тебя родятся дети. Каково им будет узнать от чужих людей о позоре, постигшем отца, и осознавать, что тот не отомстил должным образом?..

Сжав кулаки, Феликс сделал решительный шаг вперёд.

– Я согласен! Поистине, ты не человек, а какой-то злой дух!

– Вот и хорошо, – снова улыбнулся незнакомец.

– А что делать мне?

– Ничего. Завтра ты начнёшь замечать в себе проблески нового таланта. Удачи тебе! Только не забывай о договоре: никто не должен слышать твоего пения, иначе умрёшь!

– Умру? – с сомнением переспросил Феликс.

Он оглянулся в поисках странного существа, но того и след простыл.

– Умру?… Гм…

Ему хотелось бы возразить, но не оставалось ничего другого, кроме как возвращаться домой и отогреваться.

3

– Дети, вы себе даже не представляете, какой талант заключён в этом человеке! – восхищённо говорила учительница.

Её подопечные слушали, раскрыв рты.

– Вы только вообразите: после оперы, которой отдаёшь полжизни, вдруг переквалифицироваться на пантомиму, – продолжала она. – Это отнюдь не так просто, как кажется.

– Анна Васильевна, – вставая с места, воскликнул Коля, её лучший ученик. – но ведь по отношению к опере он совершил предательство.

– Предательство? Зачем же сразу предательство? Не слишком ли ты категоричен? А вдруг у человека были на это причины?

– Да какие могут быть причины? Сегодня ещё пел, а завтра уже занимается чем-то другим…

Анна Васильевна работала в музыкальной школе преподавателем по вокалу. Вместе с Николаем за партой сидела и её дочь Даша. Ученикам было по 12 лет, они подавали надежды, старались. Это вдохновляло учительницу настолько, что она отдавала детям всё своё время и занималась с ними «по-взрослому».

Когда-то ей приходилось посещать концерты великого тенора Феликса Винницкого, она до сих пор помнит его удивительный голос в пять октав. Это было нечто невообразимое, это было настоящее чудо. И вот сейчас, рассказывая об истории оперного искусства, она упомянула об этом великом артисте. Да и как было не вспомнить о нём, если его дом находится совсем рядом с её домом?

Этот человек поселился в их городке лет восемь тому назад. До того он жил недалеко от Киева, имел жену, славу, будущее. Никто не ведал о причинах, которые привели к резкой перемене в его жизни, Но Анна до сих пор помнит, как в один из первых зимних дней того года пресса словно взорвалась, сообщая и на все лады комментируя потрясающее известие: голос номер один в мировой опере внезапно всё бросил и выступил в театре пантомимы в качестве мима. На недоумённые вопросы журналистов и критиков он, как-то неестественно бледнея, отвечал, что столь резкое изменение амплуа ему посоветовали астрологи. Такое объяснение автоматически исключало всякие домыслы и новые вопросы, но если таковые и случались, Винницкий отвечал: «Спросите у астрологов.»

Его жена, как знал весь мир, таинственно исчезла. Это тоже интересовало богему, но всевозможные вопросы по этому поводу Феликс переадресовывал к милиции. Да и откуда он мог знать, куда она подевалась?

При слове «жена» по спине Анны непроизвольно пробегали мурашки. Она ещё со студенческих лет была влюблена в своего кумира, потому для неё слово «жена» в ореоле Феликса казалось совершенно излишним.

Правда, кое-кто заметил, как однажды Винницкий едва не свалился в обморок, услышав вопрос: «А не находите ли вы связи между исчезновением своей супруги и одного из самых видных политиков? Ведь они пропали в один день…» Тот папарацци, наверное, брякнул первое, что пришло в бестыжую голову. Единственное, что сумел придумать в качестве ответа Феликс, звучало так: «Я не могу отвечать за судьбы совершенно чужих людей! К тому же, политики меня совсем не интересуют.»

Это было в самом начале его карьеры мима. Для того, чтобы пореже встречаться с журналистами, он и поселился в этом захолустье, куда наезжал нечасто, только когда наступали перерывы между выступлениями. С каждым годом таких перерывов становилось всё меньше и меньше, и это объяснялось быстрым совершенствованием его мастерства.

В отличие от многих мимов, пародирующих политиков и общественных деятелей, он стал изображать персонажей из известных литературных и оперных произведений. Выступления неизменно проходили при битком набитых залах, под бури аплодисментов и оваций публики. Он не просто показывал образ. Он в него настолько вживался, что казалось, будто на сцене под белым гримом выступают сами Отелло или Дон-Жуан, Лоэнгрин или Фауст. В Винницкого влюбились все поголовно. Билеты на его концерты раскупались с потрясающей скоростью – столь же быстро и безропотно, как и раньше, когда в театры сходились для того, чтобы послушать его голос. Невзирая на погодные условия, цены или занятость.

Он не превратился в шута. Скорее напротив: в сравнении с ним выглядели шутами остальные мастера пантомимы. И даже сами зрители, порою узнающие себя в изображаемых телодвижениях артиста, пытались впоследствии измениться в лучшую сторону. Феликс умел раскрывать образы без слов настолько, что у зрителя создавалось впечатление, будто слышит и голос, и интонацию, сарказм или же иронию, грусть, задумчивость, страдание, видит мельчайшие детали мимики, улавливает значение взглядов. Для того, чтобы получше вживаться в образы, Винницкий порою целыми неделями ходил в гриме и костюме, характерном для того или иного персонажа.

Анна, как и большинство почитателей его таланта, замечала всё это. Но, в отличие от многих, она испытывала известное волнение: можно вжиться в конкретный образ настолько, что больше не сумеешь из него выйти. Так было с неким артистом, который, пытаясь вжиться в образ Юлия Цезаря, в течение нескольких месяцев жил так, как мог бы жить великий император – одевался, как он, ел, спал, ходил; со временем он начал даже мыслить в том же русле, в каком мыслил Цезарь. После окончания съёмок фильма он не сумел распрощаться с образом и закончил дни в психиатрической клинике. Но нет, Винницкий вёл себя вполне адекватно, ему не грозило раздвоение личности.

Когда-то в молодости, испытывая первые порывы страстных фантазий, она совершила необдуманный поступок. Могла бы стать оперной певицей, а превратилась в заурядную учительницу. После окончания музыкального училища она собиралась поступать в консерваторию, но беременность превратила её планы в иллюзию. «Милый», – в сущности, неплохой парень, – хотел жениться. Он любил Анну. Да только она стала другой. Беременность открывает в женщине новые черты и мысли. Она становится самой собой. Порою всё, чем она жила до того, отметается неведомой силой куда-то на задний план, уступая место тому великому, которое в течение многих лет таилось где-то на задворках маленькой души. Анна к концу беременности поняла, что в своём партнёре любила не его самого, а Винницкого. Странно, но он чем-то был похож на маэстро. Однако в один прекрасный день на женщину снизошло озарение: да ведь это же вовсе не ОН, а всего лишь его жалкая тень! С того момента связь с парнем казалась ей чудовищной ошибкой, насмешкой природы. Она не могла больше представить себя в его объятиях, и даже более того – она начала стыдиться его, как стыдятся знакомства с дегенератами, бомжами, пьянчужками! С тех пор она живёт одна.

После возвращения в родной городок Анна выдержала любопытные и осуждающие взгляды знакомых, но вскоре те привыкли к её нежданному материнству и одиночеству. Всё забылось, утряслось, стабилизировалось. Анна жила только работой и дочерью, не обращая внимания на мужчин и местечковые традиции. Двенадцать лет жить без мужчины! Что это – отклонение или же закономерность? Она, пытаясь объяснить для себя этот казус, отшучивалась: «Лучше уж ничего, чем что-нибудь!»

Иногда ей выпадало счастье наблюдать за Винницким. Её дом находился по соседству с домом звезды, участки обоих выходили к небольшой речушке. Но если участок Анны не был обнесён высоким забором, исключающим наблюдения со стороны, то этого нельзя было сказать об участке Феликса. Он как будто стремился максимально оградиться от людей и их любопытства. Чем он занимался, запершись внутри своей двухэтажной коробки, никто не ведал.

Но изредка, приблизительно раз в два месяца Анне удавалось видеть его на балконе. Глаза артиста бывали устремлены в неведомую даль, в них отражалась задумчивость и неутолимая тоска. Анна читала это в тех глазах, невзирая на расстояние. Дважды на восемь лет их взгляды даже пересекались, что вызывало в женщине настоящую бурю эмоций и страданий. Она и жила этими бесценными мгновениями…

4

…Тьма казалась непроглядной, непроницаемой, хищной. На небосводе не было ни звёзд, ни луны; только издали доносившееся испуганное собачье завывание напоминало о реальности. Ещё бы не испугаться на месте собак: ветер обрёл такую силу, что под его напором жалобно скрипели кроны ясеней, а он сам, чтобы удержаться, вынужден изо всех сил прижиматься к земле и цепляться за корень какого-то дерева. В лицо безжалостно хлестал колючий, как шипы, дождь.

Но вот вдали что-то затрещало, до слуха сквозь завывание бешеного ветра донёсся слабый человеческий крик. Чутьё подсказало, что приближается великая опасность, – как чувствует птица приближение землетрясения. Тяжёлое предчувствие могучей силой прижало его к липкой, мокрой и холодной земле ещё сильнее. В тот же миг он почувствовал, как над самой головой пронеслась какая-то огромная, страшная, тяжёлая масса.

Откуда-то ему было известно, что это были ОНИ. В следующий миг масса ударилась о землю где-то рядом, в доказательство чего прозвучал сдавленный стон. Рефлекторно голова попыталась приподняться над сорняками, чтобы глаза могли взглянуть на источник этого стона. Но сила – властная, неодолимая и могущественная – тотчас прижала её снова к земле. Он догадывался, что это за сила и что именно произошло. Всё происшедшее казалось чем-то немыслимым, противоестественным, ужасным; сила вызывала неописуемый страх, от которого дыбом поднимались волосы. К тому же, он знал, что именно произошло, и от этого становилось ещё ужаснее.

Феликс потерял сознание. Или это ему показалось? Он впал в прострацию настолько мощную, что это сравнимо с потерей сознания.

Подняв голову спустя некоторое время, он заметил первые проблески рассвета на востоке. Ураган стих, тучи совершенно рассеялись. Лишь изредка над головой проносились мрачными тенями их мелкие клочья.

Тишину нарушил какой-то звук. Это был слабый женский стон.

Собравшись с силами, он поднялся на ноги и, преодолевая панический ужас, направился к источнику человеческого голоса. По пути он дважды чуть не свернул шею, поскользнувшись на прелой траве.

Шатаясь, он прошёл метров двадцать, но вынужден был остановиться: прямо перед ним разверзла свои объятия большая яма. Подчиняясь каким-то неведомым законам, зрение вдруг обрело поразительную остроту и различило на глубине более двух метров два неподвижных тела – мужчины и женщины, – придавленные огромным корнем дерева. Мужчина был мёртв, и об этом свидетельствовала большая разверстая рана на его голове, из которой вытекало мозговое вещество, смешанное к кровью. Женщина лежала лицом вниз в то время, как туловище, неестественно выгнувшись, покоилось на спине. Судя по всему, у неё была свёрнута шея. Это были они – Амалия и её высокопоставленный любовник. В теле женщины ещё теплилась жизнь, но никакой лекарь не сумел бы её спасти. Созерцая эту картину, Феликс невольно вспомнил изречение из какой-то арии на латинском языке: «Omnis caro fenum…», что означает «Всякая плоть становится травой».

На какой-то миг в сердце Феликса проснулось сожаление, но тотчас же в глубине существа снова встрепенулась обида. «Пусть, пусть будет так, как есть!» – заставил себя подумать он.

Яма начала осыпаться сама по себе, погребая два комка изувеченной плоти.

Он отступил не несколько шагов; затем в ужасе развернулся и побежал прочь.

Только оказавшись в доме, он сумел перевести дыхание. Подойдя к бару, он дрожащими руками схватил первую попавшуюся бутылку и, поднеся к губам, начал с жадностью всасывать

в себя горячительную жидкость. Она оказалась коньяком. Опустошив полбутылки, Феликс, наконец, начал успокаиваться.

Это был конец. Конец не только семейной идиллии, жизни в этом доме, но и конец карьере. Придётся всё начинать сначала. Если получится…

За восемь лет он не сумел забыть ни единой детали из этого кошмара. Он приходил к нему по ночам, когда организм, расслабившись, готов к максимальному восприятию. С каждым разом он заново переживал события. Это казалось невыносимой пыткой. Конечно, кошмары – не что иное, как проделки человека в чёрном, – Феликс это чувствовал, знал природным умом. Только непонятно, зачем тому понадобилось ворошить незаживаемую рану в его душе. Что он хочет этим сказать?

Феликс взглянул на окно, за которым раскрывал свои радушные объятия один из многих миллионов и миллиардов земных рассветов. Этот свет породил в сознании первые ясные мысли и проблески воли.

– С этим следует заканчивать, – промолвил он, обращаясь к самому себе. – Давно пора… Нельзя оставаться в рабстве всю жизнь. Потому что это уже не жизнь.

С этими словами он сбросил с себя одеяло и решительно поднялся с постели. Сейчас он примет холодный душ, что весьма кстати после душной июльской ночи, выпьет чашечку кофе, и жизнь, как и мысли, направится в иное русло. Он знал, что тогда придёт и решение.

5

В это утреннее время на берегу реки находились три человека – светловолосая женщина лет тридцати и двое детей лет двенадцати – девочка и мальчик. Анна пришла сюда полюбоваться пробуждением её величества Природы, а дочь со своим другом вызвались её сопровождать. А природа возобновляла то вечное и бурлящее действо, которое называется жизнью, на время прерываемой ночным мраком. Со всех сторон доносилось стрекотание сверчков, разноголосое чириканье птиц, кумканье и кваканье лягушек, жужжание мух и жуков. Все о чём-то спорили, пытаясь самоутвердиться в вечной круговерти бытия, каждому хотелось выхватить из неё свой момент счастья.

Прислушиваясь к этому шуму, Анна словно растворялась в нём, в глубинах сознания зарождалась странная мелодия. Так бывает, когда человек способен чувствовать и живёт на одной волне со средой обитания.

Дети, эти неугомонные шалунишки, начали о чём-то спорить.

– Колька, а у тебя веснушек больше, чем у меня! – смеясь, раззадоривала мальчика подружка, глядя на него прищуренными, хитрыми глазами.

– Ну и что? – нашёлся тот. – Зато у тебя уши побольше моих! Как у Чебурашки… Дашка-Чебурашка!

Эта суета мешала Анне сосредоточиться.

– Дети, дети! – с укоризной в тоне воскликнула она.

Внезапно слух уловил новые звуки, доносящиеся издалека. Они порождались чьим-то прекрасным голосом и как бы подводили итог красоте рассвета. Это была чудесная мелодия, она звучала, как ода, как преклонение перед величием Природы, сиянием солнца, самой жизнью.

– Дети, тихо, тихо! – прошептала Анна, обращая лицо в направлении, откуда лилась мелодия.

Заметив на лице женщины нечто особенное, те приумолкли и, подчиняясь инстинкту, начали вслушиваться.

– Это же сам Феликс Винницкий! – прошептала женщина.

Выражение в её глазах было таким, словно она узрела перед собой самого Господа Бога, пред которым готова преклонить колени.

– Это – знаменитое «Адажио» Альбинони, – тоном отличницы произнесла девочка.

– Да тише ты! – шикнул на неё Коля, толкая кулаком пониже талии.

Мальчик откуда-то понял, что в эту минуту Дашиной маме мешать нельзя. Он и сам невольно прислушался, а затем, увлекая подругу за собой, осторожно побежал по тропинке, ведущей к особняку знаменитости. Метров через тридцать его остановило препятствие в виде забора. Он прильнул к щели между досками.

На балконе, обращённом к реке, стоял мужчина лет сорока, облачённый в белую сорочку и чёрный фрак. Это в его лёгких рождалось прекрасное пение, это именно его гортань порождала неповторимые звуки. Дети знали, что такое опера, как знали и о великих исполнителях. Но чтобы человеческое существо могло петь так!.. Нет, подобное не помещалось в воображении, так не бывает…

– Вот она – легенда! – прошептал Коля, невольно сжимая девичью руку.

Между тем, пение, достигнув апофеоза, внезапно прекратилось. Знаменитость со своего балкона куда-то исчезла.

Анна, с жадностью впитывавшая в себя каждый оттенок этого волшебного голоса, продолжала стоять в той же позе. В её взгляде можно было прочесть непередаваемое разочарование.

Даже у детей настроение как-то сникло… Они чувствовали себя так, словно у них отняли только что преподнесённый подарок и больше никогда не вернут.

А в это время Феликс лежал на спине и стекленеющими глазами смотрел в бездонную даль…

Хамство

«Из всех пороков, присущих человеку, наиболее позорным я считаю трусость.»
М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

– Не согласен, – отвечаю я. – Не трусость, а тупость и хамство!!!

* * *

Белое безмолвие… Сколько волнующих строк посвятил ему в своё время Джек Лондон! Время года, когда мир замирает в глубоком сне, успокоенный морозом, когда человеку – этому наиболее слабому звену природы – невозможно выжить без технических приспособлений, когда наступает царство холода, мрака и смерти… Днём человека убивает белизна снега, слепящая взор, а ночью – холод и неизвестность; всё это обретает утроенную силу из-за почти абсолютной тишины, не нарушаемой ни шумом ветра, ни чириканьем шаловливых птиц, ни отдаленным лаем собак. Даже никакая заблудшая ворона не потревожит воздух своим карканьем. Впрочем, в свое время В. Высоцкий отмечал, что вороньё просто не водится в подобных условиях. Если бы так было и с вороньём в человеческом облике…

* * *

… Ещё в детстве он заметил, что в морозную погоду окружающий мир кажется красивее и даже звезды излучают то очаровательное мерцание, которое способно поглотить воображение романтиков. Но в этот раз всё выглядело по-другому: судя по ощущениям, мороз достигал не менее восемнадцати градусов, дул северный ветер, небосвод исторгал из своих непостижимых глубин какую-то неописуемую жестокую антипатию; видимость была скверной из-за странной облачности, вследствие которой не было видно ни звёзд, ни Луны, ни блеска дороги – этих вечных спутников путешественников, затерявшихся в ночи. Идти было трудно, поскольку накануне, после обильного снегопада, автомобили разъездили шоссе настолько, что оно превратилось в вязкое крошево, после чего его намертво сковал мороз. Каждый шаг совершался наобум, угрожая падением, переломом рёбер, ног или сотрясением мозга.

«Какого чёрта ты очутился в этой глуши?» – уже не впервые спрашивал он себя, что, впрочем, не могло помочь исправить положение.

Он никогда не боялся пеших переходов: в его жизни случались периоды, когда приходилось ежедневно преодолевать расстояния, значительно превышающие то, которое предстояло пройти сегодня. Несомненно, окажись он в этот вечер посреди дороги один, он пошёл бы просто по снегу, накопившемуся по обе стороны полевой дороги, и в течение часов пяти или даже шести (принимая во внимание сложность передвижения) был бы на месте. В памяти возродились времена, когда он, будучи семнадцатилетним парнишкой, занимал вторые места по Украине в соревнованиях по ходьбе, а также первые – по военно-спортивному ориентированию… Увы, сегодня положение усложнялось тем, что его сопровождали двое маленьких детей – шестилетняя дочь Маша и четырехлетний сын Павлик…

Ещё каких-нибудь полгода тому назад об их семье можно было сказать самые лестные слова. Жена, молодая учительница музыки, трудилась в сельской школе; он, в прошлом учитель истории, по полмесяца пропадал в Киеве, стараясь заработать побольше денег. Но то ли по вине всемогущей зависти человеческой, то ли по воле судьбы три месяца назад Алексей

вынужден был позабыть о работе и всецело посвятить себя заботам о супруге. Настя заболела неведомой хворью, которой не сумел дать определения ни один врач. Эта женщина составляла для него единственную радость в жизни, поэтому он отдал все, что имел, ради её спасения. Начались походы по врачам, которые в самый раз назвать рвачами из-за их неуемного аппетита к наживе за счет бед человеческих; впрочем, никому так и не удалось установить диагноз. Женщина увядала с каждым днем, а медицина оставалась бессильной. Однажды наступил тот момент, когда пришлось, скрепя сердце, увезти детей к двоюродной сестре, которая проживала в добротной трёхкомнатной квартире в Виннице. Несмотря на свои тридцать с лихвой лет, она продолжала вести одинокое существование, потому, казалось бы, дети не могли её особенно стеснить. А увезти их следовало хотя бы для того, чтобы избавить от созерцания маминых страданий. Нельзя допускать, чтобы ангелочки видели смерть и тлен, осознавали их всемогущество и теряли веру в справедливость и жизнь…

Алексей прилагал всевозможные старания, стремясь облегчить положение жены: он возил её в Киев к лучшим светилам медицины, обращался даже к экстрасенсам и Богу, создал для больной наилучшие условия, вкладывая в свои поступки не только всё сердце, но и деньги. Наступил момент, когда ресурсы семьи истощились: не мог же он предполагать случившееся и заблаговременно накопить полмиллиона… Ничто так не съедает средств, как адвокаты, цыганки и врачи. Дожидаясь под кабинетами некоего медицинского заведения, он, впервые в жизни столкнувшись с врачами, был поражён их чёрствостью. Сиди под кабинетом, стони, ори от боли, а для людей в белых халатах твои проблемы совершенно безразличны. Дашь денег – обратят внимание, а не дашь – хоть умирай… Он обратился к всевозможным приятелям и друзьям, к предпринимателям и благотворительным фондам, продал кое-какое нехитрое хозяйство и стройматериалы. Наверное, где-то глубоко в подсознании каждый человек – ростовщик. Видя, что у ближнего случилась беда, окружающие стремились на этом нажиться. Стройматериалы, купленные за пятнадцать тысяч, ушли за пять, двое свиней, которым цена не менее четырех тысяч, скупщики приняли за три; что касается друзей и прочих, те, в общем, собрали всего две тысячи. Обследования и анализы, процедуры неизвестно от чего и уколы, прописываемые невесть зачем, поглотили эти деньги с такой же лёгкостью, с какой сухая губка поглощает каплю воды. Алексей так хотел, чтобы Настя выжила! Пусть бы врачи нажились, пусть она осталась бы недвижимой и слабой, – лишь бы только жила!.. Он влез в кредиты. Стремясь получить побольше средств, он обошёл знакомых и с их помощью раздобыл подложные справки о своих якобы высоких доходах. Интересно получается: банки с готовностью предоставляют ссуды и одолжения на чепуху, без которой человек мог бы обойтись – на покупку машин, суперовой кухонной мебели, ковров и прочего, а вот на лечение – ни в коем случае. Это должно означать лишь то, что для них, как и для государства, человеческая жизнь не значит ровным счётом ничего.

Проценты, нарастающие с каждым днём, давят на Алексея, как в старые времена небосвод давил на плечи титана Атланта. Не имея возможности «догонять» их своими доходами, он оказался в такой кабале, которой хватит на всю оставшуюся жизнь. Объявление о помощи, размещённое в Интернете, не принесло ожидаемых результатов, поскольку народ, наученный несколькими поколениями мошенников, доверял ему не более, чем «жёлтой» прессе.

Настя ушла из жизни тихо, словно птичка, исчезающая из общего круговорота бытия, – незаметно для человеческого общества. Рассказывать о треволнениях и страданиях новоиспечённого вдовца не приходится, поскольку это было бы слишком длинно для данного повествования да и непонятно для большинства из вас, господа. Похороны и прочие церемонии высосали из него остатки ресурсов. Невозмутимые банки и «друзья» теперь требуют от него возвращения денег. Что касается друзей – вот уж правы были древние, утверждавшие, что лучше иметь дело с врагами, потому что друг есть не что иное, как потенциальный предатель, и что не зря в Древней Ассирии словом «Друг» называли бога обмана.

… После похорон напомнила о себе сестра:

– Забери своих охламонов, потому что они мешают мне жить.

Алексею этот тон кое-что напомнил. В лучшие времена им с покойной женой пришла в голову идея создать детский дом семейного типа. Дом для этой цели вполне годился, но требовалось кое-что в нём дополнить, и такое дополнение обошлось бы примерно в десять тысяч гривен. Алексей обратился за помощью к власть имущим, но как же он был ошеломлён ответом высокопоставленного чинуши!

– Районный совет не имеет средств. И вообще выращивать детей нерентабельно…

Свинья, хам, быдло! Как можно так говорить, словно дети – не человеческие создания, а скотина!

Вот и сестрица дорогая… Типичное создание эпохи украинского капитализма, привыкшее думать лишь о себе. Он, конечно, имел полно оснований упрекнуть старую деву тем, что живёт она в квартире, которая пока принадлежит ему, но Алексей не имел привычки спорить даже в тех случаях, когда был прав.

Поездка автобусом «Винница-Монастырище» проходила неплохо, если подразумевать стандартные условия, когда водитель останавливается у каждого столба, стремясь побольше заработать.

При наличии хорошей дороги до конечной цели оставался бы всего час езды. После деревушки, носящей странное название Леухи предстояло преодолеть ненаселённый промежуток пути, протяжённостью километров в пятнадцать (окрестные деревни находились далеко в стороне), затем – станция Монастырище и село с красноречивым названием Сатановка; за ней – ещё несколько километров пути и, наконец, само Монастырище. Как раз после десяти минут езды после пресловутых Леух автобус, который то и дело носило из стороны в сторону по оледеневшей трассе, безнадёжно заглох. Пассажиров в салоне оставалось всего ничего: какая-то тяжеловесная тётка и Алексей с детьми. Водитель вышел, немного померз, созерцая двигатель, после чего вернулся в салон и заявил:

– Приехали… Кума, вернемся-ка в Леухи, там живет моя сваха. Поедим, выпьем, переночуем… Сама понимаешь…

– Хи – хи… – с деланной застенчивостью посмеялась тетка.

– Погодите, а куда деваться нам? – возмущенно воскликнул Алексей.

Шоферюга взглянул на него так, словно увидел впервые.

– А я что – обязан организовывать для вас гостиницу?!

– И то верно! – поддакнула ему кумушка.

Физиономия водителя, как это характерно для существ со слабым духом, исполнилась угрозой.

«Драться готов, что ли? – удивился злосчастный пассажир. – Неужели решится при детях?»

Но, присмотревшись при тусклом мерцании лампочки в эту наглую рожу внимательнее, он отбросил всякие сомнения: «Да, этот сможет… даже при детях…»

– Может, вы оставите нас в салоне, включите печку… Я знаю, как обращаться с ней…

– Да ты чё, мужик?!

– Ясно, мы уйдем… – кивнул Алексей, поняв бессмысленность всяких споров.

Странное дело: он почему-то не хотел спорить даже сейчас…

Наспех укутав малышей шарфами и захватив сумку с нехитрыми детскими пожитками, он ретировался, глубоко в мыслях желая человеческому созданию с чёрствой душонкой «всего наилучшего».

Как мы уже упоминали, дорога представляла собою замерзшее крошево, поэтому идти было чрезвычайно трудно и опасно. Особенно для детских ног.

Периодически ему приходилось брать на руки то одного то другого ребёнка, стремясь облегчить их мучения и дать маленьким ножкам хотя бы минутное отдохновение. То и дело он посматривал на часы в мобильном телефоне, и всякий раз при этом недовольно морщился. Спустя час трудного пути оказалось, что пройден всего километр пути, если не меньше. Дети то и дело падали; впрочем, благодаря их невысокому росту падения не могли причинить им особенных неудобств. Иногда со стороны Леух небосвод озарялся призрачным светом – так сквозь метель пробивалось сияние автомобильных фар. Алексей, ходок бывалый, чувствовал, что на сей раз может не достичь цели. Этот страх превращался в нечто ужасное, стоило лишь ему представить, какова судьба ожидает детей в случае его смерти. Что с ними будет?..

Обувь, стоившая немалых денег, могла не выдержать, ведь лёд – все равно, что лезвие бритвы; он кромсал подошвы, и сколько они могли ещё вынести испытаний, оставалось лишь гадать.

Поэтому он неистово махал руками перед всяким транспортом, который двигался в сторону Монастырища. Мимо проехал «Жигуль», в котором удобно разместились три человека. Они взирали на путников с видом умников, вдруг узревших перед собой трёх придурков. Спустя минут десять проехал «УАЗ», совершенно пустой, если не считать водителя. Дядька, наверняка тоже отец, взглянул на съёжившихся от холода детей тупыми свиными глазёнками, в которых отражалось полнейшее безразличие, и поехал дальше. Минут через пятнадцать мимо прокатил микроавтобус с двумя тётками «на борту». Они взирали на затерявшихся в ночи с тупыми улыбками, которые красноречиво говорили: «Гляди, какой дуралей – идёт на своих двоих да ещё с детьми!» Но тётки, каждая из которых, по всей вероятности, любит корчить из себя хорошую и заботливую мать, не велели водителю подобрать путников…

Эти тупые улыбающиеся гримасы не выходили у Алексея из головы: по мере продолжительности пути он уставал всё больше, в соответствии с чем всё более обижался и раздражался.

Сойти с дороги не представлялось возможным, поскольку она была ограничена с обеих сторон высокими стенами из оледеневшего снега, который нагребли грейдеры. На этом участке она представляла собой грунтовку, совершенно покрытую льдом. Возможно, дальше – километра через три, где начинается асфальт, – дорога станет чище за счёт того, что лучше продувалась ветром во время снегопада. А может, удастся перенести детей на поле, где идти будет значительно легче (если там толщина снежного покрова слабая и оно не вспахано)…

Возможно… Но вьюга из ледяной крупы обжигает глаза и лицо, а обувка на детских ногах довольно хлипкая…

И наступил момент, когда опасения отца начали сбываться. Примерно через полчаса мальчик, в очередной раз споткнувшись, заплакал:

– Папа, у меня топик…

«Топик» – этим словечком дети привыкли называть обувь. Присмотревшись, Алексей обнаружил, что левый башмачок Павлика «захотел кушать»: подошва отклеилась более, чем наполовину. Всё произошло не постепенно, а вдруг, и в самый неподходящий момент. Кого винить: делка, производящего брак в каком-нибудь Жмеринском погребе, или государственного чиновника, позволяющего этот брак реализовывать? Будь это нормальное государство, можно было бы обратиться в суд и основательно наказать производителя, но это – всего лишь Украина…

Увы, помощи или защиты от государства ожидать не приходится, – невольно ухмыльнулся Алексей. Оно слишком слабое, а для всех слабых характерна трусливость. Эти качества, сочетаемые вместе, непременно порождают жестокость к существам ещё более слабым. Государство не нашло ни копейки, чтобы спасти Настю, государство прогнало его самого, хорошего историка, из школы на стройку, государство не желает выплачивать помощь на детей. Те копейки, которые люди получают «якобы на детей», в действительности являются не чем иным, как своеобразным вознаграждением за нищету, до которой это самое государство и довело.

Даже выборы Президента оно умудрилось провести не за собственный счёт, а за скудные средства наименее обеспеченных слоев населения. К примеру, кто участвовал в избирательных комиссиях – разве бизнесмены, политики, адвокаты, экономисты с пухлыми кошельками? Нет, конечно. Так было задумано, чтобы им попросту было невыгодно этим заниматься. Комиссии формировались из нищих учителей, которых в украинском мире испокон веков принято презирать, безработных, конюхов, а также тех полууголовных элементов, которые не прочь продать душу за тридцать сребреников кому угодно. (Между прочим, во времена Христа на тридцать тетрадрахм-сребреников среднеарифметическая бедняцкая семья могла неплохо прожить почти год.) Им пришлось пережить изрядную нервотрёпку за ничтожную зарплату. Взамен смехотворных выплат, получаемых из центров занятости, безработным пообещали хороший заработок, что и послужило основной причиной их согласия на участие в работе комиссий на должностях председателей, заместителей и секретарей. Но им довелось по десять и более раз ездить в окружные комиссии, промерзать в очередях, ожидая выдачи бюллетеней или их принятия; ради этих поездок люди были вынуждены одалживать деньги у знакомых, но впоследствии оказалось, что проезды оплачиваться не будут. Для многих из них стало невозможным заключение договора с водителем, потому что предлагаемые сто восемьдесят гривен за пять выездов оказались слишком малой платой для того, чтобы более или менее здравомыслящий человек согласился на такую работу. В результате председатель комиссии получил на руки восемьсот гривен, и никому не было дела до того, что четыреста, а то и пятьсот из них уже истрачены на пресловутые поездки «ради государства». Вот, что такое «украинское государство» и вот какого «добра» приходится от него ожидать…

Алексей был вынужден сделать краткий привал. Отбросив сумку с вещами, он в течение минуты туповато взирал на испорченный башмак, не находя никакого выхода из положения. Мозг, насквозь провеянный свирепым Бореем, отказывался служить. Наконец, некая мысль осенила его, следствием чего послужило неуклюжее движение окоченевших рук к сумке. Порывшись среди её содержимого, он извлёк из её недр моток скотча. Он купил его почти случайно на винницком автовокзале, когда дочь настояла на этом ради своих детских фантазий. Он долго не мог надорвать конец мотка, потому что окоченевшие руки не слушались, но осознание того, что дети молча мерзнут в ожидании, пробудило в нём злость. Он рванул моток зубами и тот, словно испугавшись, послушно издал неприятный звук, означающий, что процесс пошёл. Долго ли скотч сможет удерживать подошву? Клейкая поверхность не терпит влаги; тепло, которое выделяется от ноги, будет прогревать снег, в изобилии набивающийся в щель, что вскоре приведёт к потере липкости и скотч попросту отвалится.

Завершив операцию, Алексей занялся лицом и руками, которые переставал ощущать. Усиленно растирая их, он едва не завыл от боли, но вскоре всё прошло.

Нехорошо в такую погоду ходить без перчаток, а он забыл их в автобусе.

А в этот момент шоферюга сидит в теплой хате в компании с кумой и бутылкой самогона…

Вынужденная остановка привела к окончательному выветриванию драгоценного тепла из-под одёжек детей, которые теперь дрожали от холода. Следовало ускорить шаг, чтобы предохранить малышей не столько от возможной простуды, но и от элементарного обмораживания конечностей.

Пройдя около трёхсот шагов, он обратил внимание на то, что Машенька дрожит, приняв «морозоустойчивую» позу.

«Нет, не могу я на это смотреть!» – мысленно воскликнул Алексей.

Сняв с себя куртку, он набросил её на дочь.

– Папа, ты же замёрзнешь! – попыталась возмутиться она, но отец уже продолжил путь, исключив таким образом возможность пререканий.

– На мне тёплый свитер с подкладкой, – самоуверенным тоном заявил он.

Толку от свитера при таком ветре было немного, в чём совсем скоро ему пришлось убедиться. Но дети волновали его больше. Чтобы как-то отвлечься от собственных страданий, он попытался заговаривать ребятишек, неумело напевая им песенки из мультфильмов и рассказывая смешные истории. По реакции детей он понимал, что всё это мало их занимает, потому что в экстремальных условиях каждое живое существо склонно сосредотачиваться на проблемах собственной плоти. Впрочем, вскоре силы его иссякли и он замолчал. Каждое слово давалось с трудом, каждое усилие над своим голосом стоило расхода лишней энергии. Мозг, всецело зависимый от тела, ибо сам был частью его, отказывался думать над чем – то иным, кроме потребностей этого тела. Дети пока ведут себя весьма достойно, но только бы осознание усталости не вонзилось в их мысли слишком рано! Ибо всему существует известный предел, а тем более, детской выносливости.

При очередном мелькании пучков света сзади он уже не оборачивался в надежде, что некто сердобольный может остановиться. Надежда куда-то улетучилась.

Сколько раз в течение жизни приходилось слышать выражение «щырый украинец» в смысле «искренний», «радушный». Однако на деле оказалось, что эти качества соотечественникам вовсе не присущи, а придуманы несколькими допотопными идеалистами-писателями вроде Нечуя-Левицкого или Сковороды. Их «щырость» касается исключительно личных интересов, в поиске выгоды и ущемлении слабых. А чему удивляться: этот народ всегда чувствовал себя ущемлённым, – причём, не столько со стороны иностранцев, сколько со стороны таких же украинцев. В ДНК намертво отпечаталось: «Ущемляй тех, кто послабее тебя – ради собственного выживания!» Сейчас любят доказывать, что, дескать, во времена голодомора 33 года западные украинцы «охотно и щыро» помогали бедствующим восточным украинцам. На самом деле всё обстояло далеко не так гладко. Тем «схиднякам», которым посчастливилось преодолеть границу, приходилось быть весьма осторожными, оказавшись в толпе «западняков», потому что, чувствуя беззащитность первых, вторые могли их ограбить или «сдать» полиции. Персидский ковёр обменивался на пригоршню муки, золотое кольцо – на ведро зерна. Вот она, истинная цена «щырости»… А поскольку типичный украинский крестьянин способен заботиться о свиньях больше, нежели о собственных детях, как можно от него требовать сочувствия к чужакам? Разве что попадётся некто хорошо воспитанный…

Такие мысли проносились в сознании Алексея в те моменты, когда воспалённые от снежной крупы глаза в очередной раз провожали чью-то «тачку» как средство спасения. Да, не достижения цели, а именно спасения. Этот тезис сформировался в сознании Алексея, когда он поймал себя на том, что перестал ощущать пальцы рук, а обмороженные веки не пожелали открываться.

«Дети… Что с ними будет?» – вздрогнул он. Эта страшная мысль привела его в чувство и помогла собрать остатки энергии. Поставив дочь на ноги, он бросился к обочине и наскреб задубевшими пальцами немного снега. Это был не тот пушистый снежок, на который приятно взирать из окна теплого и уютного помещения, это не был даже мелкий примерзший снег; это было замерзшее крошево, состоящее из оледеневшей крупы и снежной корки. С трудом преодолевая невыносимую боль, он принудил себя растереть лицо и руки.

– Па, что ты делаешь? – не без удивления поинтересовалась Маша.

«Дитя, наверное, думает, что я тронулся умом… – мысленно посмеялся над собой Алексей. – Ничего, поймёт… когда-нибудь…»

– Это, милая, самое верное средство от обморожения, – объяснил он вслух.

– Папа, мне холодно в ножки, – пролепетал Павлик.

– В ножки? – словно в полудрёме переспросил отец, с трудом наклоняясь над башмачками ребёнка.

Скотч, как и опасался Алексей, не выдержал и отстал от поверхности обувки. Теперь ножка оказалась залеплена снегом, что причиняло малышу немалые страдания. Что касается

подошвы, та едва держалась у каблука. Не было смысла перевязывать её снова, но если скотч прослужит даже десять-пятнадцать минут, было бы уже хорошо. Потому, нисколько не сомневаясь в правоте своего решения, Алексей старательно отчистил снежно-ледяную массу от башмака и снова перевязал его скотчем, истратив почти весь моток.

Если бы дорога пролегала через лес, лучше хвойный, он мог бы наломать ельника, соорудить шалаш, разжечь костер и обогреть детей, но, к вящему сожалению, на несколько километров в окружности простиралось голое поле. Лишь изредка попадались хилые деревца, которые кто-то посадил вдоль шоссе. Но и слово «деревья» звучало бы для этих слабеньких побегов слишком громко. Из них костёр не развести… И вокруг – ни одного стога сена или соломы, как это бывало в старые времена. Да уж, нынешние хозяева-фермеры сеют лишь кукурузу или рапс вместо пшеницы или овса. Откуда же взяться соломе?..

Провожая тоскливым взглядом очередную машину, он поймал себя на том, что плачет. Горячие слёзы текли из воспалённых глазниц то ли под влиянием ветра, то ли осознания собственного бессилия и обиды. На что? На людей, которых с раннего детства школа и религия учат помогать ближнему, а они поступают наоборот? Или же на безымянного автора притчи «О добром самаритянине», который, по всей вероятности, просто придумал её? Состояние Алексея мог бы в полной мере понять лишь тот, кто однажды побывал в подобной ситуации. «Почему никто не останавливается? – навязчиво и беспокойно билась в его сознании одна и та же мысль. – Если бы я шёл один или находился рядом с какими-то кустами, это было бы неудивительно: в последние годы слишком часто встречаются разбойники и жульё. Но здесь – голое поле, всякий водитель издали видит двух детей и раздетого мужика, которые едва плетутся и у которых от холода зуб на зуб не попадает… Увы, из-за стёкол кабин смотрят только тупые, безразличные лица с самодовольными минами…»

Сколько времени они уже находятся в этой глуши – час, два или три? Кто знает… Алексей утратил возможность отсчёта времени, а извлечь из кармана куртки мобильник с часами уже не мог. На сколько времени и шагов хватит сил у детей?..

– Ай!.. – вдруг вскрикнул он, падая.

На какой-то момент его сознание помутилось – настолько невыносимой оказалась резкая боль в рёбрах и затылке. Кое-как оклемавшись, он попытался встать на ноги, но левая конечность отказалась слушаться. Ощупав её, Алексей понял, что та сломалась в лодыжке. Превозмогая жестокую боль, он лихорадочно размышлял над вопросом: «Что делать?» Обыкновенно люди с подобными переломами могут самостоятельно передвигаться даже в течение суток; почему же не может он?

– Тебе очень больно? – склонились над ним дети.

Усилием воли он сконцентрировал всю волю.

– Почти не больно, милые. Только нога не хочет слушаться.

Встретившись взглядом с глазами малышей, он вдруг почувствовал в себе желание жить.

– Мы должны идти, детки. Вперёд, вперёд! – почти выкрикнул он. – Останавливаться ни в коем случае нельзя.

Этот порыв на какое-то время помог ему превозмочь боль. Когда очередная машина намеревалась пронестись мимо, он бросился на середину дороги, преграждая путь. Хозяин вроде притормозил, но в следующий момент резко свернул вправо и пронёсся мимо, едва не задавив детей.

– А чтоб ты не доехал! – в сердцах крикнул Алексей ему вслед.

Чем может быть вызвано такое поведение владельцев автомобилей? Разве страхом перед бандитами? Вряд ли, ведь те не орудуют в такую погоду, да ещё используя в виде приманки детей. Бездушием? Опасением, что за услугу не заплатят? В кармане у Алексея находятся триста гривен, а этой суммы хватило бы даже на поездку в любом такси. «Это – его величество хамство!» – подсказал внутренний голос, с которым было трудно спорить. Хамство порождается

тупостью. Значит, самым страшным грехом следует считать не поклонение идолам, как учит церковь, а тупость? И это истина, потому что Бог с какой-то целью даёт всем людям одинаковое количество разума и сообразительности. Почему же этот дар не все используют? Ведь если это не использовать, человек оказывается ограниченным, жадным, наглым. Пытаясь добиться высокого положения и денег, он способен не только проталкиваться с помощью локтей, но и запросто ступать по головам ближних и их трупам. Так появляются богачи и политики. И худшее состоит в том, что они плодятся!.. Страной управляет её величество Тупость. С нею невозможно бороться, поскольку она не способна ничего понимать и с лёгкостью попирает писанные и неписанные законы человечности, некогда придуманные для более или менее интеллектуальных и чувствительных особей. Тупость возможно только пережить. Именно пережить, ибо рано или поздно должен наступить тот час, когда она пожрёт себя самоё…

Прыгать на одной ноге вообще – то возможно, но всего несколько десятков, пусть даже сто-двести шагов, но уж никак не несколько километров. Алексей осмотрелся по сторонам в поисках какой-нибудь опоры. И действительно, он заметил шагах в пятидесяти чахлое деревце. Кое-как доковыляв до него, он согнул тонкий ствол, пытаясь сломать. К сожалению, это с виду хлипкое растение оказалось ясенем, потому сломать его было не так уж просто. Однако, промучившись минут десять, человек таки победил, и в руках его оказалась неплохая палка, которая могла в течение некоторого времени служить в качестве опоры. Дети наблюдали за его действиями молча. Им больше не хотелось разговаривать.

Проковыляв метров сто, Алексей с сомнением посмотрел вначале на ногу, затем на сумку, которая при неуклюжей ходьбе болталась и мешала идти. Он уже снял её, чтобы выбросить прочь, но тут ему на ум пришла странная идея.

– Солнышки мои, сейчас будем согреваться! – неожиданно воскликнул он.

– Ты нашёл печку, папа? – спросил Павлуша.

– Вроде того, – усмехнулся он, распаковывая сумку. – У нас дома есть много-много разных вещей, и мы не станем беднее, если сожжём несколько одёжек ради собственного спасения. Правда, милые?

– Мы будем жечь наши вещи? – испуганно спросила Маша, как истинная женщина.

– Да. Ты не бойся, дочка, папа не сдурел. Просто я не могу всё это нести, а выбросить жалко.

– Сейчас будет костёр! – воскликнул малыш и в его глазёнках засветились озорные искорки.

Алексей извлёк из кармана спичечный коробок, но самих спичек в нём оказалось всего несколько штук. «Почему было не купить ещё?» – пожал он плечами. В кармане куртки, в которой Маша стала похожа на чучело, находилась зажигалка. Эта мысль обрадовала его.

Спички оказались некачественными: при трении о коробок сера на них рассыпалась. Так было испорчено пять штук. «Что ж, произведено в Украине…» – констатировал он, глядя на коробку. Оставалось три, которые могли произвести тот же эффект. Что будет, если спички закончатся? У детей пропадет надежда и вера в папу. Этого нельзя допустить ни в коем случае.

Алексей начал чиркать зажигалкой, но тщетно: онемевшие пальцы не могли её держать, как следует. Опасаясь, что вещь может испортиться, он подышал на пальцы, пытаясь вернуть им гибкость и чувствительность, после чего снова зачиркал. Наконец из-под кремня родился долгожданный огонь и Алексей тотчас же поднёс его к сумке. Кое-как, с горем пополам пламя увеличивалось и набирало силу, а спустя ещё минуту в глазах детей появилось выражение заинтересованности. Это должно было означать, что они почувствовали прикосновение тепла.

– Подойдите, согрейтесь! – пригласил их отец. – Наклоняйтесь, милые, старайтесь «поймать» тепла как можно больше.

Во время этой остановки он попытался дозвониться по телефону кому-нибудь из знакомых, но тщетно. Несмотря на обилие антенн различных операторов связи по всей стране, иногда бывает невозможно куда-нибудь дозвониться.

…Запаса «пойманного» тепла хватило совсем ненадолго. Уже спустя минут пять дети ощутили, как промерзают руки и лица. А когда вдали показался размытый силуэт металлической «бабы», у путников не слушались ни руки, ни губы.

«Бабой» её в шутку называли пассажиры автобусов и водители. Это была большая вывеска в виде радушно улыбающейся женщины, державшей в руках плакат со словами: «Счастливого пути!» Именно «бабой» заканчивалась область Винницкая и начиналась Черкасская. Это было утешительно, поскольку до Сатановки оставалось не более десяти километров пути, и где-то недалеко начинается асфальтированная дорога. Её заметало меньше, чем грунтовую, потому идти по ней должно быть значительно легче. Где-то здесь, в стороне, в нескольких километрах справа находится деревня Тарнава, жителям которой в этот час должно быть неплохо спится…

Проковыляв ещё полкилометра, Алексей обрёл нечто вроде второго дыхания, но если в иное время это означало бы готовность к продолжительной борьбе за выживание, то сегодня оно выглядело как признак истощения сил физических и духовных.

Далеко впереди сквозь снежную мглу мелькнул несмелый, размытый, словно пьяный, пучок света – это мог быть только прожектор ретрансляционной вышки.

Вскоре и вправду начался асфальт. Стены, в которые превратились обочины дороги, стали заметно ниже, на дороге виднелась чёткая колея, оставленная колёсами машин, да и ледяная корка здесь не была такой скользкой, как раньше. В самый раз было бы продолжить путь бодреньким шагом, но взрослый человек уже не мог себе этого позволить.

– Папа, у меня снова топик… – виноватым тоном объявил Паша, уставившись на башмак с растерянным видом.

Подошва отлетела вовсе, оставив ребенка практически босым. Не теряя времени на размышления, Алексей велел Маше снять свой сапожок для брата, а ей отдал собственный. Детям будет неудобно, зато обувка не слетит с их ног. Несмотря на несоответствие размеров, она не даст детским ногам замерзнуть.

Для надёжности он крепко обвязал сапожки вокруг ног и теперь дети их не потеряют. Сам же он остался босой. Ощущения были далеко не из приятных, но минут через десять, когда ноги начали неметь, ему стало всё безразлично.

Между тем идти было всё ещё тяжело. Он заметил, что дети устали настолько, что готовы сдаться или уснуть на ходу. Он и сам едва плёлся. Если раньше он периодически нёс одного из наследников, то после перелома ноги делать этого не мог.

Малыш, конечно, оказался слабее и свалился первым. Именно в этот момент сердце Алексея ёкнуло в предчувствии чего – то ужасного, именно в тот миг он испытал прилив неведомого доселе страха перед обречённостью. «Судьба!..» – словно выстрелило в сознании.

Передав палку дочке, он взял Павлика на руки и, едва выпрямившись, попытался нести на руках. Это оказалось чрезвычайно трудоёмкой задачей. Одна нога – босая, занемевшая – скользила по льду, а другая, увечная, не могла выдерживать его вес и норовила подогнуться в любой неподходящий момент. При очередном приступе боли, Алексей не выдержал и выругался. Его охватило чувство непередаваемой злости – злости на обстоятельства, на самого себя, водителей, дороги, государство, – и он, на зло самой боли, ступая на больную ногу изо всех сил, заставил себя идти быстрее. До поры до времени это получалось, – пока боль не сделалась настолько нестерпимой, что упрямец вынужден был остановиться и сесть на обочине.

Когда ощущения позволили ему уравновесить мышление, он посмотрел на Машу и заплакал.

– Простишь ли ты меня, девочка?

– За что, папа?

С выражением покорности судьбе она присела рядом и со слезами в глазах прижалась к нему. Павлик, утомлённый дорогой, сопел, забывшись в тревожном сне. Эти беззащитные создания преподали ему яркий пример того, что почему-то принято называть мужеством – именно так, безропотно и спокойно, следует принимать всё то, что предлагает судьба.

Вскоре девочка уснула на его груди. Его самого убаюкивала странная, всемогущая сила, противиться которой он не находил сил. Веки давно слепились столь крепко, что не было мочи заставить их раскрыться. Плоть уже пребывала в том состоянии, когда перестаёт ощущать холод и ей почему-то становится тепло и уютно. Её охватило странное оцепенение, взгляд замутился непонятной дымкой, как это происходит в те минуты, когда забываешься во сне.

Алексей так и уснул, прислонившись в ледяной стене дорожного туннеля, не желая более ничего. Его полузакрытые глаза неподвижным взглядом смотрели вдаль. Сквозь пелену, застилавшую взор, ему показалось на какой-то миг, будто вьюга прекратилась и в одном месте небосвода в толще облаков образовалась трещина, сквозь которую пробивается мерцание какой – то звезды. Этот слабый лучик далекого холодного света согревал его теплом до тех пор, пока удивительным образом не раздвоился. Это видение увеличивалось, расплывалось в уходящем сознании, пока не исчезло вместе с ним совершенно…

Житейское дело

Этот летний день, как и несколько предыдущих, принёс жару. Несмотря на то, что солнечный диск едва поднялся над горизонтом, люди уже изнемогали от зноя. Даже листья на деревьях поникли с той непередаваемой печалью, которая предвещала обречённость. Да и птицы куда-то исчезли.

Однако людям невозможно убежать под спасительные крыши домов или тени деревьев, поскольку была в разгаре уборочная страда. Одна за другой машины свозят с полей на ток пшеницу, которую нужно готовить к сортировке. Бабы и мужики, запыленные и потные, трудятся до изнеможения.

Но народ наш тем и отличается от других, что умеет скрасить даже такие неприятные моменты. Как свидетельство сему, то тут то там то и дело слышится жизнерадостный смех.

– Эй, Кирюха! Тебе не жарко в штанах-то?

Это был звонкий голос Ксюхи, бабы молодой и красивой, вроде кустодиевской Венеры.

Позабыв о всяких условностях, большинство женщин поразделись, оставшись в одних лифчиках. И это было правильно, потому что пыль, скапливаясь под одеждой, проникает в кожные поры и вызывает невыносимое жжение. Мужики, – грязные, загоревшие, чумазые, – тоже ходили если не в шортах, то в одних трусах. Только один из них, претерпевая неудобства, оставался в плотных штанах армейского покроя.

– Какое тебе дело? – ответил он сквозь зубы возмущённым тоном. – Как хочу, так и хожу.

Ксюха что-то промолвила ближайшим товаркам, следствием чего стал взрыв звонкого женского смеха.

Работа продолжалась до самого обеда. Наконец пришли сменщики, благодаря которым бригада смогла позволить себе кратковременный отдых. Для того, чтобы пообедать, недостаточно просто вымыть руки, потому все устремились к Змеёвке. Это, конечно, не Волга, но как раз недалеко от тока она разливается широким зеркалом, что делает её вполне пригодной для купания.

По вполне понятной причине женщины купались отдельно от мужчин, – тем более, что места для таких удобств было предостаточно. Но Кирилл почему-то ушёл даже от мужчин. Он забрёл в камышовые заросли, где, наконец, начал стаскивать с себя штаны, пропитанные потом и пылью, после чего, кряхтя, полез в спасительную воду. Здесь было хорошо. В отличие от мелководья, которое выбрали бабы, в этом месте били ключи, что делало воду прохладной. Тело не только отмывалось, но и отдыхало.

Но в этот день, похоже, Кирюхе не было суждено оставаться в покое. Не успел он выйти на берег, как из-за камышовых зарослей на него набросились женщины. Предводительствовала ими всё та же Ксюша.

– Во, неуёмная! – проворчал один из мужиков, созерцая эту сцену издали.

– Да уж, женское одиночество – не шутка… – ухмыльнулся другой.

– Паша, а может помочь Кирюхе? – нерешительно произнёс третий.

– Как ты себе это представляешь? – ответил тот. – Да и… Дело-то житейское. Оно тебе надо? Ещё самому достанется…

Махнув рукой, он направился в сторону колхозной столовой. Вслед за ним поплелись остальные.

– Как водичка? – поинтересовалась повариха, русоволосая Анфиса.

– Да так себе…Вода как вода… – вяло ответил Павел.

– А чего так грустно? – удивилась женщина.

– Да так…

Анфиса и Кирилл проживали в одном доме. Но не как муж и жена, – в деревне подробностей такого рода не утаить. У Анфисы был муж Юрий, мужик хороший и вежливый. Он трудился трактористом в том же колхозе. В летнюю пору ему приходилось настолько зарабатываться, что иногда и домой не являлся. Это давало повод злым языкам утверждать, что в отсутствие Юры Анфиса развлекается с Кириллом. Шведская семейка, так сказать… Однако в ответ на подобные предположения, выражаемые в виде почти безобидных шуток, семья лишь улыбалась. Ещё кто-то говорил, что Кирилл может приходиться Анфисе братом. В этом случае становилось всё понятно. Но напрашивался вопрос иного порядка: почему же Кирюха, мужик хороший, здоровый, красивый и хозяйственный, неженат? В Сычёвке полным-полно молодых и красивых баб, но он на них не обращает внимания. Вот уж загадка…

Мужики уже доедали второе, как подъехал УАЗик председателя. Тоже работа не из самых сладких. С утра до ночи носишься по окрестностям, ездишь отчитываться в райцентр, ещё куда-то, и надо всюду успеть, всё проконтролировать…

– Здорово, мужики! – приветствовал он едоков. – Приятного аппетита!

– Спасибо, Петрович! – ответили они. – Ты чего такой грустный? Лучше присаживайся с нами.

– Спасибо, ребятки, – вежливо отказался председатель. – Нет времени. А где ваш Носов?

– Кирюха-то? Да там бабы его донимают… – прыснул со смеху самый молодой.

– Бабы? – как-то настороженно промолвил Петрович. – Снова Ксюха?

– Она самая…

– А зачем тебе Кирюха? – спросил Павел.

– Да вот, транспортёр на ферме сломался. Кто ж его починит, если не он?..

– Это точно…

Сосредоточив взоры на содержимом тарелок, мужики продолжили трапезу.

В это время к столовой начали сходиться женщины. На лицах некоторых из них отражался оттенок задора, другие светились непонятным недоумением, третьи выражали откровенный стыд.

– А где Ксюша, где Носов? – спросил Петрович.

– Там… – неопределённо ответили ему.

В атмосфере образовался тот странный накал, который иногда способен вылиться во что-то недоброе. Воцарилась напряжённая тишина.

– Вот дуры, вот дуры!.. – покачал головой председатель и, сплюнув в сердцах, поспешил к машине.

Усевшись за столом, бабы едва ковыряли в тарелках. Мужики, закончив обед, ретировались прочь. Только Анфиса, тарахтя своими мисками, ничего не замечала в разгаре кухонных хлопот.

В течение этого дня Кирилл больше не появлялся. Его не могли отыскать нигде. На вопросы Ксюха ничего не отвечала, только странно опускала взор… Как будто осознавая какую-то большую вину и угрызения совести.

Не появился Кирилл и на следующее утро. Мало того: пропали и Юрий с Анфисой. Хата, в которой они проживали, была заперта. На недоумённые вопросы сельчан Петрович ничего не отвечал, хотя было заметно, что он вполне осведомлён о причинах.

– Ладно, – сказал он в ответ на приставания одного из любопытных. – Не дадите вы мне покоя, замучите. Да и все равно уже ничего не вернуть… Итак, слушайте. Гуляев Юрий – бывший капитан-танкист. Вместе с Носовым они служили в «горячей точке». Дома Юрия ждала молодая жена, Анфиса. Кирилл был ещё совсем молодым солдатом-срочником. Однажды их машина загорелась. Рискуя жизнью, Кирилл спас всех членов экипажа и своего командира, но сам при этом сильно пострадал. Он долго находился в госпитале, перенёс несколько операций, в том числе и в паховой области. Там всё удалили, понимаете? Ему казалось, будто теперь

никому не нужен… Но Гуляевы приняли его в свою семью. Юрий уволился из армии… Вот так. Год назад они поселились в нашей Сычёвке, да видать, не судьба…

С этими словами председатель обвёл присутствующих взглядом, исполненным укоризны.

В эту минуту каждый невольно почувствовал стыд. Почему молчали раньше, почему? Ах, если бы знать… Но разве для того, чтобы относиться к человеку по-человечески, необходимо знать о нём то, что не положено?..

Спустя неделю из села выехала и Ксюха…

История одной болезни

Современный человек есть нечто, что должно быть побеждено.
Ницше

Предисловие

Чем выше ты поднимаешься, тем меньшим становишься в глазах завистливых мира сего. Больше всего общество ненавидит парящего над суетой, и особенно друг и любимая женщина. Они пытаются забросать грязью и несправедливостью сильного духом, возвысившегося; но чем больше бросают, тем ярче им нужно светить, – если хочешь остаться звездой хотя бы для себя. Следует остерегаться припадков своей любви к ближнему и дальнему: одинокий слишком скоро протягивает свою руку тому, кто с ним заговорит; а есть масса людей, которым следует протягивать не руку, а лапу, вооружённую когтями. Если человек ищет самоусовершенствования, ему следует вначале сжечь самого себя в своём собственном пламени, – иначе невозможно, – вместе с былыми иллюзиями, наивностью, глупостью и… человечностью.

Вообще-то тот тип государства, который с некоторых пор стал общепринятым на планете, вполне соответствует принципу, по которому устроен животный мир, – с его борьбой за существование и законами джунглей. Только, к превеликому стыду, эти «законы джунглей» применяются не в честных условиях саванны или каких – нибудь гор, а в огромном курятнике, который так напоминает человеческое общество. В нем полным – полно курочек и петухов, которые всегда стремятся стащить друг у дружки лишнее зернышко, используя самые разнообразные методы и средства. Петухи в каждом отдельно взятом курятнике постоянно конкурируют между собой за право спариться с лишней самкой и за первенство, а курочки хитрят, ссорятся, дерутся между собой не менее жестоко, чем мужская половина, и ведут интрижки ради того, чтобы выделиться перед петухами. Все устроено, как у людей – приветствуется стремление выделяться, быть выше, сильнее, «круче»; а курочки, в свою очередь, отдают предпочтение тем петушкам, которые считаются первыми, более сильными, лучше усвоившими мораль курятника. Они поступают так, как их научили мамы и бабушки, отцы и деды…

1

С самого утра настроение у Алёхина было, что называется, ни к чёрту. Таковым оно являлось уже в течение нескольких дней, – ровно столько, сколько на него наседают жена и тёща, требуя проведения ремонта в квартире и поездки в Анатолию. Чтобы всё было «как у нормальных людей»… Собственно, тёще Анатолия не нужна, но она настаивает на этом пункте из чувства солидарности с дочерью. А насчёт ремонта… Как же: Никитины, соседи по площадке, истратили на это свыше пятнадцати тысяч долларов, соорудили навесные потолки, утеплили полы, налепили на стены всякой всячины. Получилось, мягко говоря, безвкусно, даже смотреть противно. Даже последнему шизофренику из числа подопечных Алёхина не мог бы прийти в голову подобный маразм, но зато «дорого». В понимании обывателя дороговизна свидетельствует о статусе хозяев и является их своеобразным лицом, служит неформальным пропуском в элиту стада.

Почти точно такой же ремонт произвели Санины – родственники по линии супруги. Санин – депутат, заместитель городского мэра; его жена, используя связи мужа, занимается бизнесом. У них денег – хоть пруд пруди, вот и могут позволить себе удовольствие выбрасывать их на всякую чепуху. Алёхину волей-неволей приходилось бывать у этих людей. На его взгляд, лучше бы они никакого ремонта не затевали, – настолько неуютно стало в их жилище.

Но Светлана требует… И тёща… Марья Васильевна… Чёрт с ней, он её терпит. А вот жена… Ей трудно привыкнуть к тому, что материальные возможности мужа убавились после его перевода в Винницу. Пока он занимал внушительное положение в Академии медицинских наук, Свете не приходилось о чём-либо беспокоиться. Захотела мебель – получи, взбрело ей побывать в Праге – он её пристроил к делегации в качестве сотрудника своей лаборатории, вздумалось отдохнуть в Сочи – пожалуйста (за счёт резерва)… Тёщи в те годы рядом не было, никто не портил настроение, а внутрисемейные решались плавно, сами собой.

Однако всему на свете приходит конец. Алёхин, психолог с мировым именем, кому-то не угодил, его лабораторию закрыли, согласно настойчивому требованию когорты политиков, недавно пришедших к власти. Звание академика, конечно, не отняли, зато кое-кто счёл, что он ещё слишком молод для того, чтобы состоять в ВАКе (аттестационной комиссии, присуждающей учёные степени). Он мог бы остаться вообще без работы, если бы не былые друзья. Ему предложили временно возглавить одно из отделений винницкой психиатрической больницы. Соответственно, доходы и возможности Алёхина значительно снизились, что немедленно сказалось на качестве взаимоотношений со Светланой. С момента переезда в этот город он долго не мог понять, как и почему отношения, в течение многих лет безукоризненные и чёткие, вдруг дали трещину. Как будто между двумя людьми, понимающими друг друга с полуслова, пробежала неуловимая мрачная тень.

Тень… Как тучи, нависавшие над городом несколько дней. Нынешний май выдался удушливее иного июля – ни росы, ни дождика, ни резвого чириканья птичек по утрам. Противные испарения от асфальта, пыль, копоть от тысяч автомобилей – и больше ничего. Желанного дождя тучи не принесли. Скорее наоборот, – они как будто образовали над городом непроницаемый купол, сквозь который не могли проникнуть ни ветер, ни влага, ни вообще какие-либо изменения. Состояние казалось жутким, напряжённым, утомительным, размягчающим сознание. Даже больные, которым, казалось бы, всё безразлично, вели себя нестандартно. Среди них встречались разные люди. Одна женщина пыталась покончить с собой. Раздобыв откуда-то кусочек лезвия, она искромсала себе обе руки так, что хирургам пришлось провозиться с ней всю ночь. До наступления проклятой облачности она производила впечатление почти здорового человека, – настолько «почти», насколько можно считать «здоровыми» миллионы её сограждан «по ту сторону» больничного забора.

А Никитка из шестой палаты (на самом деле Никита Акимович, математик высшего уровня) отказывался от еды и целыми сутками записывал сложнейшие формулы. Вот они, эти листы, покоятся в отдельной папке на столе. Если кому-то и суждено в них разобраться, то не сейчас и вовсе не ему, Алёхину.

Боже, когда, наконец, рассеется эта проклятая облачность, разъедающая саму душу, как кислота? Изволит ли она когда-нибудь разразиться дождём? Как это надоело! На работе все ходят, словно сонные. «Как мухи в дихлофосе», – выражается «Деникин», один из пациентов отделения. Возомнив себя знаменитым генералом, он всё время требовал деятельности.

Есть и «Колчак». Это бывший географ, талантливейший человек тридцати пяти лет, изъездивший весь СНГ. Географ от Бога, но невостребованный обществом. Он мог бы организовывать экспедиции, как в своё время адмирал Колчак, совершать открытия или, в худшем случае, трудиться рядовым учителем в школе. В глухой деревушке, одной из сотен, где не хватает педагогов. Мог бы вести монотонный образ жизни и умереть в своей постели от старости, если бы не война в Чечне. В то время он, как гражданин России, был призван в ВДВ, воевал… Честные ребята, прошедшие сквозь горнило опасностей, возвращаются «оттуда» с болезненным чувством справедливости. Уволившись в запас, этот человек поступил на географический факультет, закончил его с отличием, но вынужден был отказаться от перспектив и уехать на Украину. Здесь живёт его больная мать, которой противопоказан климат России. Увы, здесь не пахло ни работой, ни возможностью выжить. Средства, которые ежегодно выделяются правительством на географические исследования, бесстыдно присваиваются членами того же правительства. Даже на работу в школу парня не принимали, требовали взятки. Пожалуй, Украина – единственная страна, где умудряются делать бизнес на этом. Для того чтобы устроиться рядовым учителем на ничтожную зарплату, следует дать «на лапу». Поскитавшись по кабинетам, «Колчак» однажды сорвался: «Ах вы, крысы тыловые!..» Избив нескольких чиновников, он оказался в стенах уютной палаты…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.